

ЛЯНА ЗЕЛИНСКАЯ

**ЧЁРНАЯ
ЖЕМЧУЖИНА**

Мир

Ляна Зелинская

Чёрная жемчужина Аира

«Ляна Зелинская»

2022

Зелинская Л.

Чёрная жемчужина Аира / Л. Зелинская — «Ляна Зелинская»,
2022

Новый свет – край бесконечных полей тростника, солнца и кофе – манит исполнением желаний. И Летиция Бернар бежит туда, спасаясь от убийц мужа. А Эдгар Дюран бежит от себя. Потеряв семью, он ищет в краю болот покоя для израненной души. И каждый из них надеется найти тихий уголок, забыть прошлое и вернуться к обычной жизни. Но гулко стучат барабаны и падают в пыль капли жертвенной крови... В их встрече не будет ничего обычного и прошлое не даст себя забыть. Оно вернется к ним в совсем новом, зловещем облике. А тихий уголок станет местом, где в их жизни смешается всё: убийство и магия вуду, ревность и предательство, алчность и месть. Они больше не искали любви, но судьба распорядилась иначе. Их любовь станет наваждением, страсть сумасшествием, а выбор может обернуться смертью.

© Зелинская Л., 2022

© Ляна Зелинская, 2022

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1. Письмо счастья	6
Глава 2. Город греха	13
Глава 3. Та-что-приходит-по-ночам	24
Глава 4. Суаре	32
Глава 5. Бутылка рома, чёрный петух, пять сигар и стручков ванили	39
Глава 6. День неправильных поступков	46
Глава 7. Кто больше за чёрного петуха?	53
Глава 8. Собор святого Луи	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ляна Зелинская

Чёрная жемчужина Аира

Часть 1

Пролог

Она ступает неслышно.

Лапы медленно, почти невесомо, опускаются на лесную подстилку, на опавшие листья и стебли папоротников, утопают в мягкой подушке мха. Ночь темна. И она – часть этой ночи, этой бездонной бархатной темноты, похожей на кофейную гущу на дне фарфоровой чашки...

Душно...

Болота дышат жарко и влажно, и где-то сверху над ней смыкаются кроны деревьев, скрадывая и без того скудный свет луны. И только светлячки, словно призраки, словно души умерших, что не могут найти успокоения, мечутся среди листьев и седых нитей висячего мха.

Но она видит прекрасно. И слышит. И чувствует запахи...

Слышит, как переминаются с ноги на ногу цапли на ветвях болотных кипарисов, как возится в траве опоссум и летучая мышь беззвучно скользит вверх, выдавая себя лишь потоком воздуха.

Они ей не мешают.

Лёгкий прыжок – и вот она уже взбирается вверх по склону. Болото закончилось, но её шаги по-прежнему бесшумны. Земля под ногами жирна и впитывает любой звук, а по бокам, словно алебарды безмолвных стражей, смотрят в угольное небо ровные стебли сахарного тростника.

Белый дом с колоннами спит, но окна открыты, лишь занавешены тончайшей кисеей от гнуса и комаров. На стене под каждым окном вырезан знак – перечеркнутый глаз, покрашенный индиговой краской. Только синий давно уже выцвел, и от этого кажется, что в каждом глазу бельмо.

На крыльце спят собаки. Много собак.

Глупые!

Они думают, что всё это её остановит – собаки, глаз...

Но собаки будут спать. Они её не услышат, не увидят, не почувствуют. А глаз нарисовал шарлатан, который ещё и взял за каждое окно по десять луи.

Ещё прыжок и она внутри. Мягкий ковёр в гостиной, лестница в один пролёт, и заветная дверь открывается бесшумно...

На кровати спит мужчина. Его сон тревожен, и под закрытыми веками беспокойно мечутся глаза, словно предчувствуя беду. Она склоняется низко к его лицу, и её глаза из чёрных становятся жёлтыми.

– Вот я и пришла за тобой...

Глава 1. Письмо счастья

В этот день Летиция поверила в чудо и божий промысел.

Жизнь чудесами её не баловала. А в божий промысел полагалось верить безоговорочно, какую бы неожиданность не приготовила судьба. Но когда письмо в конверте из дорогой бумаги, со штампом альбервилльской почты, чуть мятое и надорванное с угла легло перед ней на стол, Летиция поверила в то, что чудеса случаются.

Даже бабушка Жозефина, на удивление, промолчала, хотя по лицу было видно, как она хочет произнести свою любимую фразу: «Чего и следовало ожидать». С этой фразы обвинения в адрес внучки обычно начинались, а заканчиваться они могли чем угодно. Но вина Летиции чаще всего сводилась к тому, что она непутёвая дочь непутёвой матери.

Но в этот раз Жозефина Мормонтель аккуратно подвинула одним пальцем конверт, будто он был зачумлён, и, вздернув подбородок, неодобрительно бросила короткое:

– Читай.

И даже не разразилась своей обычной речью осуждения. Не сказала в сотый раз, что в Альбервилле живут только грешники. Что праведному человеку не пристало владеть рабами и продавать их, как скот, и что деньги их – грязные, потому что каждый луи покрыт кровью и потом несчастных, замученных на плантациях. В этот раз бабушка Жозефина красноречиво отвернулась к окну, глядя, как по рю Латьер движутся экипажи и телеги, и со скорбным спокойствием ждала, пока Летиция письмо дочитает.

Письмо оказалось из Нового света. От альбервилльского нотариуса Жака Перье.

«...и сообщаем, что мсье Анри Бернар болен и уже едва ли поправится. Согласно его воле и составленному завещанию, он желает перед смертью видеть вас самодлично. Если вы приедете к означенному выше сроку, то, согласно его воле, мадмуазель Летиция Бернар унаследует двадцать тысяч туасов земли в низовьях реки Арбонны, отведенных под плантации сахарного тростника, ферму Утиный остров (ниже приложено описание), рабов в количестве сорока двух душ, из которых мужского полу двадцать три, женского полу четырнадцать, трое детей до семи лет и двух младенцев, сахарный пресс, пять мулов, а также...».

Дальше шло подробное перечисление утвари, мебели, инструментов, повозок, упряжи, собак, ружей и прочего имущества её деда по отцовской линии – Анри Бернара, человека, которого Жозефина Мормонтель – её бабушка по материнской линии – ненавидела, наверное, больше всех на свете. Кроме этого упоминались ещё какие-то облигации компаний, названия которых ни о чём не говорили Летиции, долговые расписки, по которым можно было требовать уплаты, и ещё множество бумаг, о которых она не имела ни малейшего представления.

Летиция ещё раз пробежалась глазами по тексту и отметила про себя, что помощник нотариуса, составивший описание имущества, в письме то и дело сбивался на креольский диалект, добавляя в слова лишние буквы там, где не надо, и убирая буквы там, где они были на своём месте. И эти слова всколыхнули в её душе воспоминания о давно забытом детстве.

Вообще-то, Альбервилль она помнила смутно. Океан, жара, шумные улицы, ажурные балконные решетки и крашенные в яркие цвета фасады домов, а ещё повсюду мох – «ведьмин волос»¹, что свисал со старых деревьев. Его седые нити раскачивались на ветру, а по ночам в них прятались светлячки.

Плантация их семьи была не так уж далеко от города – день пути вверх по реке. Красная земля, белый дом с колоннами в тени старых дубов, бесконечные ряды сахарного тростника и кофе...

¹ Ведьмин волос – «Испанский мох» – аэрофитное растение, лишённое корней и цепляющееся за кору деревьев своими тонкими, почти нитевидными стеблями, свисает с ветвей.

А в Альбервилль они иногда выезжали на праздники. Сначала в экипаже, но мама, помнится, не любила трястись по пыли, и с тех пор, как в низовья Арбонны из столицы начали ходить небольшие пароходы, путешествовали всё больше по реке. Мутные жёлто-бурые воды плавно несли их, мерно покачивая, как в колыбели, а мимо проплывали ухоженные поля, заросли болотных кипарисов и острова с бесчисленными стаями птиц. На верхней палубе под тентом можно было неторопливо пить кофе, наслаждаясь лёгким ветерком и разговорами.

Сколько ей было лет, когда эпидемия чёрной лихорадки нагрянула в низовья Арбонны? Кажется, четыре года...

Почему-то в памяти яркими остались именно запахи: кофе, патоки, гвоздичного дерева... и дыма. Лихорадка охватывала одно поместье за другим, спускаясь вниз по реке, убивая уже не десятками – сотнями, и обезумевшие люди жгли хижины вместе с больными рабами, стараясь остановить болезнь.

Не остановили...

Но этот запах Летиция помнила до сих пор.

Та лихорадка унесла жизни и её родителей. А её вот спасти успели: старая нянька убедила деда отправить Летицию к бабушке в Старый Свет. Дед почему-то сначала был против, но потом сказал, что так оно и лучше, с глаз долой – из сердца вон: смерть любимого сына, кажется, повредила его рассудок. И её вместе со старой ньюрой по имени Роза отправили за океан на огромном пароходе, который и запомнился ей сильнее всего: большой, белый, с тремя толстыми трубами, из которых валил чёрный дым. И пах этот дым приятно – углём, а не...

Впрочем, Летиция старалась гнать от себя воспоминания о том, чем пах дым от сожжённых хижин рабов.

С того момента дед будто вычеркнул её из своей жизни: писем не писал, в гости не приглашал и поздравления внучки с Божиим днём игнорировал. Лишь выделил сумму на содержание и на том благополучно о Летиции забыл.

А вот теперь неожиданно вспомнил.

Бабушка Жозефина считала Альбервилль проклятым местом. И всякий раз вспоминала, что не будь её дочь так глупа, то не купилась бы на смазливую креольскую внешность и улыбку Жюльена Бернара, никогда бы не вышла замуж за сына плантатора и не уехала в ужасный край болот, аллигаторов и рабства. Потому что не место там женщине из приличной семьи. И вспоминать о своей дочери она тоже не любила. С того момента, как Вивьен Мормонтель пошла против воли Жозефины, выбрав в мужа того, кого хотела сама, та безжалостно вычеркнула её из своей жизни. Не ожидала мадам Мормонтель такой строптивой выходки от покладистой и скромной Вивьен. А ещё того, что дочь поставит перед ней условие – или благословите, или сбегу со своим избранником. Пришлось благословить и забыть её навсегда.

Летиция лишь слышала, как иногда по большим праздникам бабушка произносит её имя в молитвах, прося милости для своей дочери в лучшем мире. Но на все просьбы Летиции рассказать побольше о матери или об отце, бабушка Жозефина лишь отмахивалась словами:

– Нечего и говорить об этом проклятом месте. Кто прошлое помянет – тому глаз вон. Смирение, молитва и труд, дитя моё. Вот чего не хватало твоим родителям. Но уж о тебе-то я позабочусь.

Забота выливалась в то, что бабушка Жозефина заставляла маленькую Летицию учиться и работать не покладая рук, как, наверное, не заставлял трудиться рабов даже её отец-плантатор. И к двадцати годам ей пришлось научиться делать всё, что входило в обязанности любой прислуги в приличном доме: убираться, стирать, готовить...

Конечно, в их доме были слуги, но бабушка будто находила особое удовольствие в том, что Летиция сама укладывала волосы, заправляла постель, гладила бельё, а главное – ни минуты не сидела в праздности, ибо праздность – это страшный грех, который порождает в голове дурные мысли.

И Жозефина строго следила за тем, чтобы внучка всегда была занята какой-нибудь работой, пусть даже бессмысленной. Вот и приходилось ей то вязать, то вышивать, то читать молитвенник, то крупу перебирать, то зубрить учебники. А ещё посещать общественные чтения, богадельню и ходить раз в неделю в больницу для бедных с корзиной воскресной выпечки.

Повзрослев, Летиция стала ненавидеть эти воскресные походы больше всего. Не понимала она странных взглядов и сальных шуточек, которые стали отпускать ей вслед мужчины, сидящие на скамейках в больничном саду, стоило бабушке отойти в сторону. Жозефину Мормонтель там, конечно, все боялись до икоты, а вот её внучка – совсем другое дело. И лишь когда ей исполнилось пятнадцать, Летиция осознала, что она красива. И это внезапное внимание и комплименты со стороны мужчин стали ей нравиться.

Во внешности Летиции от матери не досталось почти ничего. Разве что тёмно-карий цвет глаз её отца высветлился, и они стали ярче и прозрачнее, словно в тёмную патоку щедро плеснули солнца. Не глаза, а точь-в-точь тот оникс, что был в кулоне у бабушки Жозефины – коричневый, с яркими прожилками солнечного золота. Да, может, ещё кожа стала не такой оливковой, как у южан-креолов, лишь чуть тронулась загаром – будто в молоко уронили три капли кофе. А всё остальное – черты лица, фигуру и рост – Летиция унаследовала от отца – Жюльена Бернара. И может, поэтому ещё притягивала она заинтересованные взгляды мужчин – внешность её в этих местах казалась немного экзотичной: красивые сочные губы, золотистая кожа, густые чёрные волосы, ресницы и брови сильно отличались от внешности марсуэнских голубоглазых и сероглазых белокожих блондинок.

Бабушка её красоту не одобряла. Бурчала всякий раз, поминая в сердцах её отца, которого в своё время принёс нечистый в их город, и велела служанкам известить в доме все зеркала. Оставить только одно в гостиной, чтобы видеть, много ли времени внучка проводит за самолюбованием, а не за молитвами. Никаких украшений Летиции не полагалось. Только брошь-каменя, чтобы ходить в храм по праздникам. Ткань на платья бабушка покупала исключительно синих, серых и коричневых оттенков, и всё, что позволялось сверх этого – белый кружевной воротничок и манжеты, кружево на которые нужно было связать самой. А волосы непременно нужно было прятать под унылый чепец.

Бывая в гостях, Летиция всегда думала о том, что на фоне других девушек она выглядит, как горничная – в своей беспросветно-серой сарже, или как ученица пансиона – в грубом коричневом поплине. Но когда она однажды сказала об этом бабушке, та отстегала её розгами, обозвав вертихвосткой. Ничего удивительного, что после пары таких наказаний Летиция стала скрывать от мадам Жозефины всё, что только можно. В итоге наказывать её стали чаще, как выразилась бабушка «за молчание и греховные мысли». И чем взрослее Летиция становилась, чем сильнее проступали в ней черты её отца, тем чаще бабушка поминала, что во всём виновата его «нечистая» кровь. На что Летиция, не выдержав однажды, возразила, что кровь не бывает «нечистой», кровь – это всего лишь кровь, такая же часть организма, как рука или нога. Она слышала разговор об этом в больнице для бедных.

За эти слова её, конечно, снова наказали, причем довольно жестоко.

Но вместе с «нечистой» кровью от отца ей достались и его упрямство, и креольский темперамент, так что после этого случая с наказанием Летиция решила найти способ навсегда покинуть дом на рю Латьер и, наконец, вырваться на свободу. Единственное, что мешало ей в осуществлении этого плана – финансовая зависимость. Той частью денег, что после гибели родителей ей выделил Анри Бернар, управляла бабушка Жозефина. И эти деньги достались бы ей только в случае замужества, а мужа бабушка обязательно должна была одобрить.

Одобрять же кого-либо мадам Жозефина не спешила. Помня историю со скоропалительным замужеством собственной дочери, она подходила к вопросу устройства будущего внучки со всей тщательностью и скрупулёзностью, с какой занималась любым мало-мальски важным делом, будь то выбор цвета штор в спальню, качество цыплят к праздничному столу или

натирка паркета в гостиной. Единственное, на что бабушка пошла в качестве жеста доброй воли – разрешила Летиции выбирать самой кого-либо из одобренных ею кандидатов.

Но перед этим мадам Жозефина исследовала их родословную не хуже, чем у породистых скакунов, что выставляют по субботам на скачках, осторожно наводя справки о женихах через зеленщиков, бакалейщиков и дам из благотворительного кружка, и безжалостно отбрасывая любые подозрительные кандидатуры. А те, кто оставался, пройдя через мелкое сито бабушкиных требований, были, по мнению Летиции, настолько правильными, унылыми, серыми, пресными или кислыми, что от одного их вида лучше было удавиться.

– Да ты же как дикая кобыла! – бурчала мадам Мормонтель, водружая очки на нос. – И если я тебе под стать найду такого же жеребца – прости меня Святая Сесиль! – далеко же вы ускачете! Ничего путного из такого брака не выйдет. Муж должен держать твою «нечистую» кровь в узде и хлыстом владеть, как полагается, и наставлять, как пастырь – следить, чтобы ты молилась чаще, а не вертелась перед зеркалом.

– Да, мадам, – и хотя Летиция соглашалась, скромно приседая в реверансе, но очередной унылый кандидат оказывался ею тут же отвергнут под каким-нибудь незначительным предлогом вроде гнилых зубов.

В конце концов, ей жить с ним, а не Жозефине Мормонтель.

Спасение пришло в виде Антуана Морье – заместителя управляющего на фабрике по производству тканей. К тому моменту выборы жениха растянулись уже на два года, бабушка не желала менять своих принципов, а Летиция не желала сдаваться и выходить замуж за «унылую серость». И противостояние шло уже просто из принципа. Поэтому Антуан Морье стал долгожданным компромиссом – хорош собой, не стар, и на фабрике ему прочили место управляющего. Он приехал из Брестони, что находилась далеко на севере, и толком о нём ничего не было известно, но на фабрике о нём отзывались как о человеке толковом, усердном и практичном. Бабушке Жозефине он принёс рекомендательные письма от предыдущего работодателя и объяснил, что поводом для переезда на юг послужило плохое здоровье его матери.

Антуан Морье носил тёмную тройку из добротного твида, был аккуратно пострижен и никогда не приходил в грязной обуви. Он всякий раз приносил мадам Жозефине маленькие подарочки: пакетик травяного чая, сушеный инжир или мятные леденцы. И хотя при этом бабушке он «категорически не понравился лицом, потому что был слишком слащав», но где-то её сердце дало слабину, потому что свадьба всё же состоялась, и Летиция, став мадам Морье, радостно упорхнула из дома на рю Латьер.

Вернулась она меньше чем через год в один из весенних дней поздним вечером, разочаровавшись в мужчинах и браке окончательно и бесповоротно. Без вещей, словно вор, прокрадась с заднего входа в дом бабушки, пряча лицо под капюшоном тёмного плаща и надеясь, что никто её не узнает.

С того дня бабушка стала исправно приносить ей газету вместе с бутылкой утреннего молока и демонстративно класть её на край стола, чтобы Летиция обязательно всё увидела. Первую полосу обычно занимали ужасные заголовки в половину страницы. Сначала о том, как Антуан Морье – её муж – ограбил кассу фабрики, убил одного из служащих и повесился в тюрьме. А потом уже, когда острота новости сошла на нет, пошли домыслы, сплетни и высказывания «надёжных источников», как всегда бывает во время затишья перед следующей сенсацией. И пока Летиция читала, молчание бабушки висело над столом, словно обвинительный приговор.

«Чего и следовало ожидать!».

Но в чём была её вина?

Откуда ей было знать, что будущий муж окажется карточным игроком? Что никакой он не Морье, и фамилия эта выдуманная, чтобы скрыться от кредиторов, что рекомендательные письма он написал сам и подписи подделал. И что из Брестони он бежал потому, что за ним

тянулся шлейф неоплаченных долгов. Откуда ей было знать, что он проиграл не только свои деньги, но и её состояние, которое перешло к нему после свадьбы? И откуда ей было знать, что он ещё и занял денег у тех людей, у которых даже старую подмётку занимать нельзя?

И женился он на ней по одной простой причине – Летиция оказалась лёгкой добычей. У неё было наследство и почти никаких родных.

Она старалась гнать от себя воспоминания о том кошмаре и унижениях, что ей пришлось пережить за последние недели: полицию в их доме, обыск, косые взгляды соседей и насмешки, допросы в участке, крики газетчиков: «На фабрике Перрин произошло убийство! Убийца – Антуан Морье!».

В их окна бросали камни, а дверь измазали грязью и нечистотами, ей отказывались продавать продукты в соседних лавках, а торговки плевали вслед, называя шлюхой и воровкой.

Она давно заметила, что с её мужем что-то не так, но что ей было делать? Бабушка бы сказала: «Чего и следовало ожидать! Непутевая дочь непутёвой матери! Сама виновата! Ты его выбрала!».

И поэтому она молчала. Молчала и терпела, а потом...

Антуан повесился в тюрьме, видимо, не пережив позора. Но знающие люди сказали, что ему в этом кто-то помог, что перед смертью его пытали, и что денег, пропавших с фабрики, в итоге так и не нашли. А Летиции вскоре прилетела и первая «ласточка» из прошлого её мужа – в их гостиной камнем разбили окно, а к камню прилагалась записка, и в ней недвусмысленно давалось понять, что долг Антуана всё ещё не уплачен. Летиция сидела на стуле, глядя на эту записку и холодея от ужаса – а что, если они придут и за ней? Люди Одноглазого Пьера, у которого её муж занял денег.

И в тот же день к ней домой пожаловал новый сыщик, уже, кажется, третий по счёту. Он представился как мсье Морис Жером. Невысокий, плотный, в неприметном сером костюме. Его волосы были расчёсаны на прямой пробор, а ботинки начищены до блеска. И взгляд – цепкий, пронизывающий, не пропускающий ни одной детали. Летиция не видела его раньше, и хотя тип он был неприятный, но в тот день она даже рада была его приходу и сразу же рассказала о записке.

Мсье Жером отказался от чая, аккуратно сложил записку в карман, так, словно и не был удивлен, и как будто даже обрадовался. Затем стал задавать странные вопросы: одна ли она живёт, во сколько выходит из дому, во сколько приходит и сколько дверей на первом этаже.

С одной стороны, это было, конечно, объяснимо, но с другой стороны... что-то было неприятное во всём облике мсье Жерома. От его манеры задавать вопросы на ум приходило только одно слово – вынюхивать. И Летиция подумала, что всё это ещё потому, что он – ну вылитый хорёк. Своими тонкими рыжими усиками, гладко зализанными волосами и глубоко посаженными глазками он сильно напоминал этого крайне неприятного зверька. А после его вопроса о том, не знает ли она, куда её муж мог деть украденные деньги, она поняла – что-то не так.

– Я уже отвечала на все эти вопросы и неоднократно, мсье Жером, я не имею никакого отношения к тому, что сделал мой муж! – сказала она твёрдо, кутаясь в шаль – сальный взгляд сыщика оставлял неприятное впечатление.

Ей на глаза навернулись слёзы, и она промокнула их кончиком шали.

Сколько можно доказывать, что она не виновата!

Но хуже всего было то, что в этот момент Летиция ощущала себя совершенно незащищённой перед всем миром.

– Я ни в коем случае не обвиняю вас, мадам... Но вы же понимаете, такой... красивой молодой женщине стоило бы больше думать о своей безопасности. Не расстраивайтесь. Я попрошу в жандармерии приставить к вашему дому человека, – ответил с ухмылкой сыщик,

разглядывая защёлку на окне в кухне и аккуратно пробуя открыть и закрыть её рукой в перчатке. – Я зайду к вам... завтра. Мне надо кое-что проверить, и у меня остались ещё вопросы.

Весь день она не находила себе места, то и дело поглядывая в окно. А к вечеру у её дома появился странный человек, и Летиция пыталась успокоить себя мыслью о том, что это, скорее всего, кто-то из жандармерии, присланный мсье Жеромом. Но внутренний голос настойчиво шептал, что она ошибается...

А внутренний голос был для неё в этом мире единственным надёжным советчиком.

Наблюдая из окна за странным человеком, прислонившимся к дереву, она в итоге пришла к мысли, что её внутренний голос всё-таки прав. Судя по мешковатой одежде, по сторбленности и натянутой на глаза шляпе это, скорее всего, кто-то из людей Одноглазого Пьера. И воспоминания о том, как именно умер её муж, об утренней записке и словах сыщика – всё это вместе привело её в такой ужас, что Летиция бежала из дома в спешке, не взяв с собой ничего, выбравшись через окно кладовки прямо в соседский сад.

С тех пор она пряталась у бабушки. Вернее, даже не в её доме на рю Латьер, а на два квартала ниже – в доме мадам Дюваль, которая уехала в гости к дочери. Мадам Дюваль попросила Жозефину присматривать за служанками, чтобы содержали дом в порядке и не своевольничали, и практичная мадам Мормонтель сразу сообразила, что в данных обстоятельствах не стоит Летиции сидеть там, где её можно найти без труда. И она оказалась права – на следующий день мсье Жером явился к мадам Мормонтель и даже осмотрел дом, но, не найдя беглянку, удалился.

Сыщику бабушка сказала, что понятия не имеет, куда делась внучка. Подозревает, что она прячется у каких-то родственников своего непутёвого мужа. А ещё сказала, что с Летицией они не особо ладили и что эту вертихвостку она теперь даже на порог не пустит. Сыщику пришлось выслушать такую гневную проповедь о нравственности, грехе и пороке, что он поспешил ретироваться. Мсье Жером вынужден был долго откланиваться и отказываться от приглашения прийти снова на чай или в кружок любителей поэзии, но узелок булочек с корицей мадам Жозефина всё-таки умудрилась ему вручить. Бабушка умела быть невыносимой, если хотела.

И вот теперь Летиция сидела в чужом доме, боясь даже выглядывать в окна, не то что выходить на улицу, и что делать дальше – совершенно не представляла.

Именно поэтому письмо из Альбервилля показалось спасительным кругом, который бросила ей судьба. Летиция аккуратно положила его на стол и подняла взгляд на мадам Жозефину. Молчание бабушки было красноречивее всяких слов. В другой раз эту бумагу ожидал бы камин и очищающий огонь – вот участь всех греховных соблазнов, но ввиду сложившихся обстоятельств...

– Прочитала? – спросила мадам Жозефина, скорее, чтобы подчеркнуть значимость ситуации, достала второе письмо и положила рядом. – А теперь прочитай это.

Второе письмо было тоже из Альбервилля. От дяди Летиции – Готье Бернара.

Родственников из-за океана она не помнила совершенно. Знала о них лишь то, что дядя Готье – адвокат и живёт в Альбервилле, а дядя Аллен – торговец в Реюньоне. Но, как оказалось, дяде Готье и дяде Алену по завещанию тоже полагались доли в семейном предприятии деда. И дядя-адвокат предлагал в письме свои услуги по управлению частью имущества Летиции в будущем владении. Он был уверен, что внучка Анри Бернара вряд ли захочет покинуть цивилизованный Старый свет ради того, чтобы жить на плантации, заниматься рабами и сахарным тростником, и поэтому предлагал приехать к нему, чтобы обсудить возможные варианты будущего управления наследством.

«...у нас большой дом, и мои дети – Филипп и Аннет – будут рады познакомиться с кузиной...».

Святая Сесиль! Покровительница и заступница! Как же это кстати!

Если и было на свете божье провидение, то это именно оно направляло перо Готье Бернара, когда он писал эти строки племяннице. И, кажется, впервые Летиция до глубины души искренне вознесла молитву своей святой.

Это была долгожданная свобода, именно та, которой она хотела, сказав «да» Антуану Морье. Тогда она ошиблась. Но в этот раз...

Новый Свет – это ведь совсем другая жизнь, в которой можно забыть о горестном прошлом, начав всё сначала. И там её дом, могилы её родителей, её родственники, пусть даже она их никогда не видела. Там можно снова обрести семью, ту семью, которой у неё никогда не было. Почему же раньше ей не пришла в голову мысль уехать в Альбервилль?

И если бы можно было затанцевать в обнимку с этим письмом – она бы так и сделала. Но бабушка Жозефина смотрела пронзительно и цепко, и, придав своему лицу выражение озабоченности, Летиция потупила взгляд и спросила тихо:

– По-вашему, мне следует поехать?

– По-моему? Да ты же едва кадриль ногами не выстукиваешь от счастья, вертихвостка! – фыркнула бабушка и скрестила руки на груди. – Думаешь, вырвешься на свободу? Только это будет как с твоим беспутным муженьком. Я ведь тебя предупреждала... Но кто я такая, чтобы указывать тебе за кого выходить замуж! А вот теперь... скажи спасибо, что старый пират, похоже, совсем пропил свои мозги, раз решил завещать тебе ферму, – бабушка в выражениях никогда не стеснялась. – Да только, милочка, думаешь, там всё мёдом помазано? Поедешь туда и сгинешь, как моя дурочка Вивьен. Альбервилль – город греха. А рабство – это омут похлеще мужа-картежника. Тьфу! Проклятое там место. Так что... решай сама. Ты теперь взрослая, и вдова к тому же. Хотя с твоей-то подмоченной репутацией у тебя только один путь – ехать в миссию при храме Святой Сесиль в Нарьену к сёстрам милосердия, замаливать грехи. Там бы уж тебя никто не нашёл, и дело то богоугодное. Только я и так знаю, что именно ты выберешь. Иди уже – собирай вещи. Мадам Грамон с дочерью плывут в Альбервилль через три дня – поплывёшь с ними. Я уже договорилась обо всём. И твоему дяде Готье я написала ещё на прошлой неделе.

Бабушка Жозефина развернулась и, шурша юбками, вышла из комнаты. А Летиция посидела некоторое время, слушая удаляющиеся шаги, а потом закрыла глаза и прижала письмо к губам. В череде последних мрачных событий это письмо было лучшее, что могло с ней случиться.

Она поплывёт в Альбервилль!

Глава 2. Город греха

Путешествие через океан оказалось довольно приятным. И хотя плыть пришлось далеко не первым классом, но ощущение безопасности и того, что все её страхи остались позади, было настолько успокаивающим, что Летиция, наконец, смогла обдумать всё, что с ней произошло за последние недели.

Бабушка велела ей скрыть факт замужества. В этом вопросе Жозефина Мормонтель оказалась донельзя практична. Не стоит всему Новому Свету знать о том, что она и есть та самая Летиция Морье – жена казнокрада и убийцы, о котором писали все марсуэнские газеты. Во-первых, ни к чему начинать новую жизнь с такого вот пятна на репутации, во-вторых, возможно, люди, которым остался должен её муж, продолжат её искать, и у полиции, судя по всему, тоже остались вопросы. Да и на новом месте ей предстоит войти в общество, как наследнице Анри Бернара, а значит, ни к чему тащить за собой шлейф прошлых ошибок.

Поэтому Летиция решила придерживаться легенды о том, что она была помолвлена, но её жених – королевский офицер – погиб вдали от родины, на другой стороне света, сражаясь за интересы короны. А она год носила по нему траур и теперь вот пришла пора сменить обстановку. Это всё объяснит, ну а мадам Грамон обещала держать язык за зубами. Так что теперь она снова мадмуазель Летиция Луиза Бернар, коей и была до своего неудачного замужества.

Бабушка также строго-настрого наказала ей вести себя скромно и с достоинством, жить неприметно и во что бы то ни стало понравиться альбервилльским родственникам, чтобы они помогли ей устроиться на новом месте. А потом, спустя какое-то время, найти скромного неприметного человека и снова выйти замуж, став добропорядочной женой плантатора.

– Смотри, не показывай своего дурного нрава, не позорь меня и память моей глупой дочери. Надеюсь, ты понимаешь, что от мужчин тебе пока следует держаться подальше? Пусть утихнет вся эта история с твоим мужем-картёжником. Вот хоть бы в трауре и походи ещё, по своему несуществующему жениху, чтобы никто к тебе с намёками не лез. Ты поняла меня? – напутствовала её бабушка перед поездкой, повторяя свою мысль по два раза. – Язык свой держи за зубами и помни: иной раз лучше смолчать, сделать вид, что глуховата. К тебе будут присматриваться, и лучше бы тебе сидеть тише воды, ниже травы, будто тебя и нет вовсе. И смолчать иной раз, я знаю, как ты умеешь притворяться. Ты поняла?

Она поняла. Да и что тут не понять? История с Антуаном Морье за несколько недель научила её тому, чему все эти годы не могли научить проповеди бабушки, её розги и нынешние советы, что мужчинам верить нельзя. Что замужество – это клетка почище дома на рю Латьер. И если не хочешь бояться за свою жизнь – стоит держаться от мужчин подальше.

Лишившись семьи в раннем детстве, Летиция не знала других родных, и никого, кроме Жозефины Мормонтель, в её жизни не было. А та любовью не баловала, да и вообще не баловала ничем, давая понять, что она – Летиция Бернар – всего лишь досадное напоминание о её собственной ошибке, о том, что она недоглядела за своей дочерью Вивьен. И Летиция по наивности надеялась, что, выйдя замуж, она обретёт, наконец, то, чего ей так недоставало в детстве: семью и любовь. Но любовь с Антуаном Морье продлилась ровно три дня. А дальше...

О том, что было дальше, Летиция предпочла забыть, как и о самом существовании Антуана Морье. Как когда-то, сев на пароход в Старый Свет, она заставила себя забыть о смерти родителей, о горящих хижинах рабов и той атмосфере ужаса перед лихорадкой, что царила в долине Арбонны.

Ей всё ещё трудно было принять ту мысль, что во многом бабушка оказалась права, когда выбирала ей мужа. Что она правильно рассуждала – муж должен быть человеком спокойным, честным и надёжным, но... как жить с тем, кого не любишь? Лучше тогда вообще жить одной.

* * *

Когда пароход шумно швартовался к берегу, разглядывая пёструю толпу встречающих, Летиция внезапно подумала, что вот так неожиданно жизнь дала ей второй шанс. И в Новом Свете она теперь всё сделает по-другому. Здесь у неё есть дед, два дяди, кузины и кузены – вот она – новая семья. Здесь она сможет быть счастлива.

Она спустилась по трапу, распрощавшись с мадам Грамон, и осталась стоять на набережной в окружении трёх чемоданов, словно рыба, выброшенная на берег. Оглушенная звуками, запахами и красками, Летиция всматривалась в толпу в поисках встречающих.

Мимо с грохотом проносились коляски. Кучера здесь были громогласные, шумно приветствовали друг друга, привставая на козлах и снимая шляпы, или громко бранились, пытаясь разъехаться. Их перекрикивали торговки, бойко предлагая с лотков жареных креветок и орехи пекан, початки кукурузы или беньеты – сваренные в сиропе кусочки теста. Духота, цветастые юбки, пышные тийоны² на головах темнокожих женщин, запахи специй, сигар, ванили и маракуйи – Альбервилль обрушился на Летицию весь и сразу, захватив и оглушив, всколыхнув смутные воспоминания о далёком и почти забытом детстве.

И когда дядя Готье внезапно появился перед ней, приподнимая в приветствии шляпу, она даже вздрогнула. Летиция его совсем не помнила, но вот он узнал её безошибочно, сказав, что она – вылитый отец, и ошибиться он, конечно, не мог.

– Рад приветствовать тебя в Альбервилле! – дядя Готье склонился к руке Летиции.

Сам же Готье Бернар дал бы сто очков вперёд любому щёголю из Старого Света: высокий, подтянутый, в белом полотняном костюме, в шляпе и с тростью, с хитрым прищуром блёклосерых глаз – он производил впечатление человека делового и знающего себе цену. Вытянутое лицо, обрамлённое аккуратными бакенбардами, короткая стрижка и высокий лоб с залысинами – всё в нём говорило о респектабельности и серьёзности. Его светлые глаза окинули Летицию с головы до ног, и она сразу узнала этот взгляд – Готье Бернар прежде всего был мужчиной, а потом уже её дядей.

Следом за ним появилась девушка в абрикосовом шёлке под огромным кружевным зонтом, которую он представил Летиции как свою дочь Аннет. Кузина оказалась примерно ровесницей и внешне очень напоминала дядю Готье, даже не столько чертами лица, сколько манерой держаться, прищуром глаз и взглядом, которым она окинула гостью – цепким, деловым, оценивающим её точно лошадь на скачках. Взгляд скользнул по Летиции с головы до ног, и Аннет улыбнулась одними губами, одарив кузину приторно-милой улыбкой, немного покровительственной и насквозь фальшивой.

– Рада видеть тебя, дорогая!

– И я рада, милая кузина!

Летиция тоже улыбнулась ей, вспомнив наставления бабушки, что новым родственникам нужно обязательно понравиться. Они с Аннет расцеловались, едва касаясь щеками друг друга, будто триста лет знакомы, но первое впечатление от встречи оставило все же неприятный осадок. Кузины друг другу не понравились.

Дядя Готье кликнул носильщика, и чемоданы Летиции быстро перекочевали в шикарный открытый экипаж. Лаковые борта, на сиденьях бордовая кожа, красные спицы на колёсах – такой экипаж стоил целое состояние. И даже кучер в зеленой ливрее посмотрел на Летицию так, словно раньше возил самого короля, а сейчас снизошёл до бродяжки.

Но Летиция сделала вид, что не заметила этого.

² Тийон – традиционный тюрбан (платок), который носили цветные женщины в Луизиане.

Пожалуй, чтобы понравиться новым родственникам, на ней недостаточный слой позолоты!

Дядя уехал в другой коляске, перепоручив гостю заботам дочери, и сказал, что к ужину будет.

– Я покажу тебе город, всё равно поедем через весь центр, – произнесла Аннет, церемонно расправляя складки на платье и прячась под зонтиком от солнца.

Неудивительно, что Аннет удалось сохранить такой светлый цвет лица – широкополая шляпа, занявшая половину коляски, зонтик-шатёр, плотные перчатки из узорного шёлка – солнца она старалась избегать всеми силами. Да и вообще, кузина Бернар хоть и не блистала красотой – черты её лица были мелкими, а глубоко посаженные глаза смотрели на всё, пожалуй, слишком оценивающе, – но выглядела она при этом очень элегантно и утончённо. Рядом с ней Летиция в своём платье из светлого хлопчатого поплина и простой соломенной шляпке почувствовала себя чем-то средним между горничной и монашкой. Но её мысли недолго задерживались на элегантном облике кузины-модницы, вскоре всё внимание завоевала рю Верте – центральная улица города.

– Это рабочий дом, а это – здание хлопковой биржи, дальше – свадебный салон мадам Руаль... – вещала Аннет с видом знатока, указывая веером на здания вдоль дороги.

А Летиция жадно разглядывала яркие вывески. Рю Верте – улица широкая, обсаженная по обеим сторонам пальмами, тамариндовыми деревьями и казуаринами, вела на север от самого порта и заканчивалась большим храмом на холме. Мимо проплывали фасады домов, выкрашенных всеми цветами радуги: персиковые, розовые, цвета ванили и терракоты. Город стоял в низине, в дельте реки Арбонны, окруженный с одной стороны многочисленными болотами и дамбами, а с другой – океаном. От жары и влажности белоснежная брестонская штукатурка, столь популярная в Старом Свете, здесь тут же покрывалась зелеными и рыжими разводами плесени и мха. Вот и красили дома кто во что горазд, добавляя в краску дубовую кору, кермек или гамбир³.

Каждый дом непременно окружал длинный балкон с навесом и ажурными коваными решетками – так альбервилльцы притеняли окна от невыносимо жаркого солнца. Ветерок лениво шевелил длинные листья папоротников, что свисали из горшков почти с каждого балкона, и доносил запах цветущего франжипани – дерева, которое непременно росло у каждой двери. Его бело-жёлтые цветы обязательно должны были падать на ступени крыльца: считалось, что это добрый знак – ангелы охраняют жильцов этого дома.

И Летиция вспомнила, что бело-жёлтые цветы франжипани – символ Альбервилля.

– А это – Рынок рабов, – произнесла Аннет как ни в чём не бывало.

Летиция жадно разглядывала высокие решетчатые ворота, за которыми виднелась утоптанная тысячей ног красная глиняная площадь, помост и что-то похожее на коновязь.

Неужели здесь продают людей? Вот так запросто, как скот...

– Но сегодня он не работает – Божья неделя началась, – изрекла Аннет философски, – почти никто не работает. А это – игорный дом мсье Маджера.

– А это что? – спросила Летиция, кивнув на особняк, фасад которого выделялся на фоне других – стены выкрашены красным, а двери – золотом.

На крыльце дома стояли две темнокожие женщины – ньоры – в кричаще-ярких одеждах и тийонах таких размеров, что, казалось, голова у них оторвется от их тяжести. У одной поверх шёлкового тийона красовалась ещё и красная шляпка, плоская, как блин. И всё это сооружение на голове походило на огромный сказочный гриб.

³ Кермек и гамбир – растения, используемые для производства красок.

Женщины свешивались через перила, и глубокие декольте их платьев показывали всё, что должен скрывать наряд приличной женщины. Но они, нисколько не смущаясь, махали морякам, идущим по другой стороне улицы, и смеялись.

– Ну, понятно же – это... дом терпимости, – произнесла кузина, чуть понизив голос и не глядя на вульгарных женщин.

– Бордель? – потрясённо спросила Летиция и тут же прикрыла рот ладонью – мадам Мормонтель за одно это слово, произнесённое вслух, враз бы огрела чётками.

В Старом Свете такое и помыслить было невозможно, и от удивления Летиция даже обернулась, разглядывая публичных женщин. В Марсуэне, где они жили с бабушкой, конечно, были публичные дома, но где-то на задворках, на узких тёмных улицах, по которым не проезжают дамы из приличных семей. О них никогда не говорили вслух, а если и хотели упомянуть, то выражались деликатно и туманно, вроде «вы же понимаете, о каких женщинах мы говорим». Это считалось грязным, постыдным и греховным. Это следовало скрывать от глаз, как язву, как нехорошую болезнь, а вовсе не выставлять напоказ.

И то, что здесь, в Альбервилле, бордель находился в центре города, вот так нарочито и открыто, сияя красными вывесками и начищенными стёклами, соседствуя с вполне приличными заведениями: магазинами и конторами на главной улице – такое было очень странно и удивительно.

Рынок рабов, Игорный дом и бордель! И всё это – на центральной улице! И впрямь – город греха!

Их коляска свернула на рю Виктуар, и кивнув на особняк с мраморными колоннами и садом, Аннет произнесла:

– Это «Белый пеликан» – самая большая бальная зала во всём Южном союзе. Даже в Реюньоне нет такой. Не знаю, как в Старом Свете, но здесь очень любят танцы.

Летиция уже успела заметить, что и на флаге Альбервилля тоже изображен пеликан, рядом с цветами франжипани. Да и когда они проезжали небольшой кусок набережной, выходящей на низкий берег Арбонны, эти самые птицы, совершенно не боясь людей, сидели на гранитных камнях вдоль всего берега. Не даром же Альбервилль называют городом пеликанов.

Экипаж остановился перед большим особняком, и Летиция поняла, что они приехали. Дом Бернаров утопал в тени старых дубов, с ветвей которых, точно бахромы, свисали сизые нити ведьминых волос. Два этажа, персиковые стены и зелёные ставни, мраморные колонны украшали фасад, а подъездная аллея растянулась на полсотни туасов – дом выглядел очень респектабельно, как, впрочем, и всё, что было связано с дядей Готье.

– Странно, что ты не взяла с собой служанку, – как будто невзначай обронила Аннет, но было понятно, что это всего лишь такой способ провести между ними черту различий – они хоть и родственники, но именно деньги определяют здесь настоящий статус.

– К сожалению, она слегла с горячкой, – быстро нашлась Летиция, – но не думаю, что в этом городе такая уж проблема нанять служанку.

Унижаться перед богатой родственницей она не собиралась.

– Я пришлю тебе Люсиль, – ответила Аннет, войдя в тень густых деревьев и складывая зонтик, – она, правда, топает, как лошадь, но умеет делать всё. Да смотри, не давай ей лодырничать – она любит поспать, пока никто не видит, так что заставляй её что-нибудь делать к сроку, всё равно что, – добавила кузина назидательно, – у ньюры руки всегда должны быть заняты работой. Полагаю, тебе нужно отдохнуть с дороги. Ужин у нас в семь.

Слова Аннет оставили у Летиции неприятный осадок в душе. Она почему-то сразу вспомнила наставления бабушки о том, что сидеть без дела – грех, и то, как за праздность ей доставалось иной раз и розгами, и лишь утвердилась в мысли, что Аннет вряд ли станет ей подругой.

Кузина раздала задания слугам, велела отнести вещи гостям в её комнату, представила Люсиль – толстую ньюру лет сорока в крахмальном переднике и зеленом тийоне, и с чувством

выполненного долга удалилась. А Летиция остановилась у подножья лестницы, украдкой разглядывая большой холл, высокие окна, задрапированные светлыми портьерами, картины на стенах и бронзовые статуи у входа, и почему-то подумала, что едва ли это адвокатская практика приносит дяде Готье доходы, позволяющие содержать такой дом.

– Ты рабыня? – спросила она Люсиль, когда они поднялись на второй этаж в комнату, отведённую для Летиции.

– Конечно, муасель, вот и печать есть, – ответила Люсиль так, словно вопрос её удивил, и закатала рукав.

Чуть выше локтевого сгиба на внутренней стороне руки Летиция разглядела что-то похожее на татуировку или очень старый ожог, словно из кожи цвета тёмного шоколада вытравили часть краски. Печать представляла собой белый круг, в нём какие-то символы и в середине – буквы «Г.Б.».

Готье Бернар.

Клеймил ли рабов её отец? Этого она не помнила. Но сам факт того, что на человека ставят клеймо, как на лошадь или овцу, показался ей диким и противоестественным. И в этот момент она снова вспомнила слова бабушки, которая всегда отзывалась о рабовладении, как о противном Богу занятии.

Пожалуй, в этом Жозефина Мормонтель была права. Боже, это же, наверное, больно?

А ещё, глядя на Люсиль, она внезапно подумала о своём отце и даже невольно посмотрела на себя в зеркало. Бабушка об этом не распространялась, вернее, сказала, что не знает ничего, но Летиция умела сложить два и два. И вспоминая серые глаза дяди Готье и его белую кожу, тонкие губы и русые волосы, понимала, что у её дяди и у её отца матери точно были разные. И кто её бабушка по отцовской линии – догадаться было нетрудно.

Квартеронка⁴. И такая же рабыня, как Люсиль?

Может, в этом и была причина той надменности, с которой разговаривала Аннет, глядя на Летицию? В той капле «нечистой» крови, что унаследовала она от второй бабушки?

Какая насмешка! Ведь другая половина её крови, что досталась от Жозефины Мормонтель, восходила по генеалогическому древу к одному из королевских домов Старого Света.

Только это не имело значения. В отличие от Старого света, здесь «чистота» крови играла особую роль в отношениях.

Ужин подали в просторной комнате на первом этаже. И хотя за столом они были втроём – тётя Селин, ещё не вернувшись из Реюньона, – но накрыли его по-королевски. Летиции такое обилие серебряных приборов и такой изящный фарфор приходилось видеть только на больших приёмах. А тут – обычный ужин, пусть и в честь её приезда, но она не такая уж необыкновенная гостья, чтобы так ради неё стараться.

И хотя этикет Летиция знала безупречно, но всё равно весь вечер от волнения боялась что-нибудь разбить или опрокинуть, слишком уж пристальным было внимание к её персоне. Она вообще ощущала себя неловко под перекрёстными взглядами дяди и кузины. За столом висело какое-то напряжение. Новые родственники рассматривали её исподтишка – Летиция это чувствовала, даже глядя в тарелку с черепаховым супом. А ещё её смущали две ньоры, которые стояли по обе стороны от стола, мерно размахивая опахалами из перьев, и двое ливрейных слуг, разносивших блюда. Она не привыкла к такой пышности. Их ужины с бабушкой проходили в куда более скромной обстановке. И чтобы как-то сгладить неловкость, она попросила дядю рассказать о родителях.

– Ну, Жюльен... он был... хорошим человеком, – дядя Готье помешал ложкой суп, – и твоя мать, мадам Вивьен... тоже. Мы не слишком долго были знакомы...

⁴ Квартерон – в колониальной Америке так называли человека, у которого один предок во втором поколении принадлежал к негроидной расе, то есть потомок мулата и белого родителей.

Сказать по правде, из рассказа дяди Летиция особо ничего не вынесла. Он говорил какими-то общими фразами, точь-в-точь некролог зачитывал, и весь смысл его рассказа сводился к тому, какими прекрасными людьми были её родители. Она хотела расспросить про свою бабушку по отцовской линии, но помня презрительный тон Аннет в отношении ньюров, так и не насмелилась это сделать. Потом как-нибудь, когда они будут одни.

– А ты... как надолго собираешься задержаться в Альбервилле? Когда планируешь возвращаться в Марсуэн? – вклинилась в разговор Аннет, прикладывая к губам белоснежную салфетку.

– Вообще-то, я бы хотела здесь остаться, – ответила Летиция, пробуя десерт – нежное пралине с орехами пекан.

– Здесь? Но... зачем? – у Аннет на лице отразилась крайняя степень удивления.

– Мсье Анри Бернар оставляет мне ферму, и я бы хотела попробовать пожить там. Возможно, даже попробую управлять ею, – ответила она с улыбкой. – Здесь всё-таки мой дом. Мой настоящий дом.

За столом внезапно наступила тишина, и, подняв взгляд, Летиция увидела вытянувшиеся лица семьи Бернаров.

Почему они так смотрят? Может, она глупость какую-нибудь ляпнула? Похоже на то... Наверное, это из-за того, что она сказала про управление фермой. Судя по нежной коже Аннет, такое им бы и в голову бы не пришло. Хотя, что сложного-то в управлении фермой?

В конце концов, в деле ведения хозяйства она даст сто очков вперед любому местному плантатору – уж этому-то её выдрессировала мадам Мормонтель. Вести счета, закупать продукты, торговаться за каждый луи, следить за домом, готовить, стирать, управлять слугами, даже вот так стол накрыть фарфором и золотом – всё это совсем не сложно.

– В самом деле? Управлять фермой? Ты хоть что-то знаешь о сахарном тростнике? – осторожно спросил дядя Готье.

– Я не думаю, что разобраться в том, как он растёт и что с ним нужно делать, будет так уж трудно, – ответила Летиция.

И лица Бернаров вытянулись ещё сильнее.

– А как же мадам Мормонтель? – дядя Готье даже руками развёл, будто не найдя слов в ответ на такую вопиющую глупость. – Она, конечно, писала, что тебе необходимо сменить обстановку после трагической гибели жениха, но жить на болотах? И наш тяжёлый климат, после Старого Света...

Летиция поспешно опустила глаза – чуть не поправила дядю, что не жениха, а мужа. Так ведь и на лжи недолго попасться. Она даже покраснела от этой мысли и как-то пропустила дальнейшую речь дяди Готье о превратностях местного климата, гнусах и аллигаторах. Вздрыгнула лишь, когда внезапно раздался стук входной двери – в комнате появился молодой человек, в котором Летиция безошибочно узнала Филиппа Бернара – брата Аннет и своего кузена.

Узнать его было нетрудно – одно лицо с дядей, и выглядел он так, что ей в голову пришло только одно слово – «породистый». Одет щегольски, высок, подтянут, довольно красив. Он, не глядя, размашистым движением сунул дворецкому шляпу и хлыст, едва не впечатав их в грудь пожилого ньюра, коротко поприветствовал отца и упёрся взглядом в Летицию.

– Кузина? – тонкие губы расплылись в сладкой улыбке. – Как я рад!

Она привстала для приветствия, и Филипп, поймав её руку, склонился в поцелуе, успев при этом пробежаться взглядом по её фигуре и задержаться на лице. Он произнёс пару комплиментов, приличествующих случаю, расположился за столом напротив и принялся внимательно разглядывать Летицию, особенно её скромное серое платье, в которое она переделалась после приезда.

К счастью, это пристальное разглядывание продлилось недолго – ужин уже подходил к концу. Поблагодарив родственников за гостеприимство, Летиция рассчитывала поскорее уйти к себе, но дядя Готье попросил её задержаться.

Они прошли в соседнюю комнату – большое помещение, которое совмещало функции кабинета мсье Бернара и библиотеки. Панели из красного дуба подпирали потолок с люстрой из трёх ярусов хрусталя, а массивные шкафы, доверху набитые юридической литературой, придавали комнате несколько мрачный вид. На стене напротив большого письменного стола висела карта с изображенной на ней дельтой реки Арбонны, разлинованная на какие-то квадраты.

Приглядевшись, Летиция пришла к выводу, что квадраты – это плантации. Дядя снял сюртук, велел служанке принести кофе, а Летиция за это время успела пробежаться глазами по карте и обнаружить поместье Анри Бернара – Утиный остров. Остров на самом деле был полуостровом, вонзившимся, словно клюв пеликана, в самую середину реки – именно в этом месте Арбонна сужалась до бутылочного горлышка, делая петлю, а затем изливалась в низину, разделяясь на множество рукавов, вросших в альбервилльский залив, словно корни болотного кипариса.

Названия, нанесенные на карту тончайшим пером, отзывались в памяти чем-то очень знакомым: плантация Дюранов – поместье Жемчужина, Лаваль – поместье Физалис, Обьер – поместье Гиацинт, Три дуба – Грейсоны, Кошачий глаз – Фурье, дальше пристань, у которой останавливались пароходы. А за ней по обе стороны протоки и до самого Альбервилля шли болота Панчак – раскинувшиеся на десятки льё непроходимые смертельные топи.

Утиный остров занимал весьма приличную часть земли, и что именно нотариус именовал фермой – было непонятно. Хотя, может, Летиция неправильно поняла письмо? Жак Перье писал весьма витиевато, а её воспоминания о детстве на плантации были весьма смутными. Но до этого момента под «фермой» Летиция понимала клочок земли с хижинкой рабов и маленький домик. А на деле поместье Анри Бернара оказалось одним из самых крупных владений на всём правом берегу нижней Арбонны. И какая его часть причиталась Летиции, можно было только догадываться.

Или спросить напрямую у дяди.

– Я хотел поговорить с тобой о делах, Летиция. Присядь, – произнёс мягко дядя Готье, пододвигая ей кресло и заслонив спиной карту.

Служанка принесла кофе и пирожные. Летиция вдохнула аромат и подумала, что такой кофе не умеют варить в Старом Свете – густой, тёмный, насыщенный запахами кардамона, ванили и гвоздики, с жирной пенкой сверху и узорами из корицы. И на этот пряный запах память тут же отзывалась воспоминаниями...

...на заднем дворе их дома растёт гвоздичное дерево, и ваниль, привязанная к кольшикам, плетётся прямо по старой бревенчатой стене сарая. Песни рабов, заунывные и тягучие, доносятся со стороны полей – день закончен, а значит, можно безнаказанно петь. Вереница людей устало направляется к хижинам. Солнце тонет в ветвях апельсиновых деревьев и тени ложатся на землю, тянутся длинными пальцам к крыльцу пристройки, а оттуда, из распахнутой настежь двери, доносится запах свежего хлеба и мяты – кухарка готовит для хозяина вечерний джулеп⁵...

Летиция пригубила кофе, тряхнула головой, отгоняя возникшие смутные образы, и чуть отодвинула чашку. Сердце сжалось от старой боли. Почему она не вспоминала этого там, в Марсуэне? Как будто в детстве, уплывая в Старый Свет, она разом приказала себе забыть обо всём. Но... ведь так и было. В тот день, когда они с нянькой садились на пароход, Летиция будто ножом отрезала свою прошлую жизнь. Потому что вспоминать обо всём этом было больно. Но

⁵ Джулеп – алкогольный коктейль на основе бурбона (или другого крепкого спиртного напитка), воды, дроблёного льда и свежей мяты.

вот сейчас ей вдруг отчаянно захотелось там побывать. Пройти по дубовой аллее, трогая замшелые стволы, вдохнуть запах, доносящийся из пристройки, где старая кухарка варит гамбо...⁶

Кофе обжёг нёбо, пробежался по горлу, запах снова щекотал ноздри...

– Когда мы поедem к мсье Бернару на плантацию? – спросила Летиция, чтобы прервать неловкое молчание.

– Надеюсь, что через неделю, – ответил дядя Готье, разглядывая край чашки.

– Но... он ведь при смерти? – удивилась Летиция. – В письме так было написано. И он хотел видеть меня как можно скорее. Может, я могла бы отправиться завтра?

– При смерти? – усмехнулся дядя. – Вот уж плохо ты знаешь стариков! Мой отец – твой дед, «при смерти», дай Бог памяти, последние десять лет. И каждый раз, когда на него накатывает хандра с болот, он вызывает мэтра Перье и начинает надиктовывать ему письма с последней волей. В этот раз своими письмами он добрался аж до Марсуэна, – Готье махнул рукой куда-то в сторону набережной. – Но я видел его две недели назад, и он был жив-живёхонек, дымил сигарой, как старый пароход, и ругал на чём свет стоит наших соседей Дюранов. А письмо он написал, я думаю, по простой причине – хотел увидеть внучку, но знал, что мадам Мормонтель вряд ли отправит тебя сюда без уважительной причины.

Вот уж точно!

– Так это всё неправда? – удивилась Летиция.

– Правда, но не всё. Мой отец действительно сильно сдал этой зимой, но нельзя сказать, что он при смерти, – дядя чуть усмехнулся. – И мы вскоре поедem к нему... все вместе. Но прежде я хотел бы обсудить с тобой несколько вопросов, – дядя Готье аккуратно положил ложечку на блюдце. – Ты же не всерьёз сказала, что собираешься управлять фермой?

– Почему же не всерьёз? Очень даже всерьёз. Я умею вести хозяйство, – ответила она, отставляя чашку.

Дядя Готье посмотрел исподлобья, прищурился, словно взвешивая следующие слова, и взгляд его в этот момент показался Летиции острым, словно кинжал. А потом он вздохнул, стальные искры исчезли из его серых глаз, и он принялся объяснять, как тяжело ей придётся с плантацией, рабами и управляющими. Что это не под силу и многим мужчинам, и уж точно с этим не совладать девушке, выросшей в Старом Свете. Что у него есть прекрасный человек, который справится с управлением плантацией на отлично, а Летиция может оставить ему доверенность, вернуться в Марсуэн и исправно получать причитающуюся долю дохода. Это, конечно, не так уж много, но ведь и затрат никаких. Ну, или она может продать ему свою часть земли. Правда, много за неё тоже не дадут – земля в частичной собственности не слишком ходовой актив.

А Летиция сидела и думала – возвращаться в Марсуэн ей никак нельзя. И как же быть? Снять жильё в Альбервилле? Уместно ли ей будет жить тут одной? Сначала надо узнать цены. Если за ферму много не дадут, то что же делать? И потом, дядя так старательно пугает её местным климатом...

Но в то же время она подумала, что вот её мать жила здесь и была счастлива, а, по словам бабушки, она была женщина утонченная, работать не умела, любила поэзию и совсем не любила солнце. Если уж она смогла жить на болотах, то почему не сможет Летиция? К тому же, если дед вполне себе здоров, она может поселиться у него, и это тоже вариант, возможно, самый лучший. Если она смогла жить с бабушкой Жозефиной, то уж со «старым пиратом» она как-нибудь поладит.

– Спасибо, мсье, – произнесла Летиция, дослушав предложение дяди, – но сначала я бы хотела увидеть дедушку. А над вашим предложением я обещаю подумать. К тому же мне бы

⁶ Гамбо – блюдо распространённое в штате Луизиана. Представляет собой густой суп со специями, похожий по консистенции на рагу.

не хотелось вас стеснять, так что, быть может, мне не имеет смысла ждать следующей недели – я могла бы отплыть по реке хоть завтра.

Дядя покрутил в руках пустую чашку, и казалось, слова племянницы поставили его в тупик, но он всё же улыбнулся и произнёс, стараясь говорить приветливо и мягко:

– Ну что ты, какое стеснение! У меня большой дом, места, как ты видишь, предостаточно. И потом, в память о твоём отце я бы хотел, чтобы ты погостила у нас, посмотрела город – Аннет тебе всё покажет. К тому же тебе стоит посетить магазины, купить себе что-то более подходящее нашему климату, иначе путешествие по реке будет не из приятных – вдоль Арбонны гораздо жарче, чем здесь. Альбервилль продувается с моря, а по реке повсюду испарения от болот. Да и ты наверняка захочешь погостить у бабушки некоторое время. Так что послушай своего дядю – посвети неделю покупке нарядов и осмотру города. Когда ты ещё увидишь альбервилльский карнавал? А он будет скоро. И перед ним большой весенний бал – закрытие сезона. Божья неделя вообще один сплошной праздник...

И глядя на то, как Летиция колеблется, он добавил, разведя руками:

– ...И нам ещё необходимо посетить нотариуса – тебе нужно прочитать все бумаги и кое-что подписать, а мсье Жак совсем не грешник, чтобы работать в Божью неделю – раньше следующего понедельника он в конторе точно не появится.

Пожалуй, что-то в речах дяди было разумно. В тех нарядах, что Летиция привезла с собой из Марсуэна, она, во-первых, выглядела, как ошипанная курица, особенно рядом со своей элегантной кузиной. Во-вторых, мода здесь была не такая, как в Старом свете, и её платья сразу же бросались в глаза, а бабушка велела внимания не привлекать. А в-третьих, здесь было жарко, и ей и в самом деле следовало купить хоть пару нарядов из лёгкого муслина, и уж точно не таких убогих цветов, как она носила дома.

Платье, в котором она бежала к бабушке в день прихода сыщика – сплошной траурный креп, да ещё кое-что у неё осталось из девичьего гардероба, что хранился в сундуках на рю Латьер – серая и коричневая саржа и синий поплин. Вот и все, что у неё было с собой в чемоданах. В этом и в самом деле стыдно показаться у бабушки, да и вообще стыдно ощущать, что вся семья Бернаров смотрит на неё, как на убогую.

Она хотела спросить, какова же её доля в наследстве деда, но так и не спросила. Такой интерес к имуществу Анри Бернара может быть превратно истолкован дядей. Мало ли, подумают, что она охотница за чужими деньгами и только того и ждёт, чтобы дед отдал Богу душу. Они ведь не знают всей правды об её положении, и о том, что ей попросту некуда возвращаться.

Новость о том, что Анри Бернар вполне здоров, её обнадёжила. Если дед её не выставит на второй день – а она надеялась, что он всё-таки рад будет её появлению, – то она сможет пожить какое-то время на плантации и всё обдумать. А подробности завещания она всё равно узнает напрямую у нотариуса. С этими мыслями Летиция поблагодарила дядю и, снова пообещав подумать над его предложением, отправилась спать.

Несмотря на то, что её новые родственники не слишком-то ей понравились, а их гостеприимство скорее тяготило, чем было в радость, мысль о том, чтобы сменить гардероб и посмотреть город, показалась ей всё-таки здоровой. К тому же Летиции хотелось посмотреть и карнавал. Карнавалов она никогда не видела. Подобных развлечений в Старом Свете у неё не было, да и мадам Мормонтель ни за что бы её не отпустила на такое празднество, посчитав его вульгарным и богомерзким. Но здесь нравы были совсем другие. Так что остаться на несколько дней в Альбервилле, пожалуй, не так уж и плохо.

До постели Летиция добралась уже кое-как – день выдался утомительный, ей всё ещё казалось, что под ногами покачивается палуба парохода. Наскоро помолвившись, она осенила охранным знаком подушки, окна и дверь, как учила её бабушка – всё-таки этот дом для неё чужой, такая защита не помешает, – а затем растянулась на свежих простынях. После постоянной качки в каюте и жёсткого матраса эта мягкая постель была просто верхом блаженства.

Бабушка говорила, что в первую ночь на новом месте всегда снятся знаковые сны и их нужно запоминать. Девицам обычно женихи, но Летиция о женихах и не думала. Сейчас, вдали от Марсуэна, она испытывала странную смесь облегчения и тоски. Облегчения от того, что не нужно бояться незваных гостей, готовых вырвать ногти, чтобы вернуть карточный долг. А с другой стороны, она даже удивилась тому, как соскучилась уже по Старому Свету и даже по бабушке Жозефине. И загадав, чтобы ей приснились родные места, она незаметно провалилась в глубокий сон.

Мягкие лапы ступают неслышно по траве, по гранитной лестнице, по мягкому ковру и вощёному паркету. Спит дом на рю Виктуар...

В нитях ведьминых волос дрожат призрачные огоньки первых светлячков. И над старыми дубами беззвучно скользят ночные призраки – летучие мыши...

Спят слуги и хозяева, спят лошади в конюшне...

Только кошка вздрагивает, напряженно взглядываясь в густую темноту, что движется ей навстречу, и шерсть вздыбливается у неё на загривке.

Кошки видят мёртвых...

...и тех, кто приходит из Мира Духа. И кошки знают, кого нужно бояться...

Филенчатые двери спальни, кровать с балдахином и кисейные занавеси, что скрывают лицо....

Лёгкий прыжок. Мягкие лапы встают прямо на грудь спящей женщины, и глаза тьмы из чёрных становятся жёлтыми.

– Ну вот, наконец, мы и встретились...

Сначала Летиция услышала крик. Истошный, надрывный, хрипящий. Села на кровати рывком, судорожно глотая воздух, и только потом поняла, что это кричит она сама. Кричит, захлёбываясь и пытаясь пальцами разодрать на груди сорочку. Из цепких объятий кошмара сознание возвращалось медленно – густая темнота, чужая комната и ощущение того, что кто-то большой сидит у неё на груди и давит так, что она почти задыхается. Сердце колотилось набатом, и казалось, что пульсирует оно во всём теле: в ушах, в груди, в животе, сотрясая её всю, как в конвульсиях.

Летиция вскочила, споткнулась в темноте и упала. Ощупывала тумбочку, пыталась найти свечу и не находила, а руки дрожали, роняя всё подряд, пока, наконец, за дверью не раздались спасительные шаги.

– Муасель, Летиция? – послышался тревожный голос Люсиль. – Муасель, Летиция? Это вы кричали?

Святая Сесиль! Наконец-то живая душа!

– Да! Да! Люсиль! Входи! Входи скорей!

Люсиль появилась с огарком свечи. Кудрявые волосы, не стянутые тийоном, отбрасывали на стену тень от её головы, похожую на огромный шар.

– Ох, я-то перепугалась! – пробормотала служанка, зажигая свечи на комод. – До чего же вы истошно кричали! Хорошо хоть хозяева спят в другом крыле, а то бы перебудили весь дом! Надо было вам на ночь тёплого молока с мятой выпить – спали бы, как младенец. А то, видать, всё от качки – укачало вас, поди, на пароходе-то, да ещё жара наша с непривычки и...

Люсиль не договорила.

– Ох, Небесная мать! – воскликнула она, обернувшись и глядя на пол.

И едва не выронив свечу, схватилась рукой за грудь. Летиция перегнулась через кровать и тоже замерла – с паркетного пола на неё смотрел огромный глаз, нарисованный мелом, в центре которого зиял злобный кровавый зрачок.

– О, Святой Всемогущий Отец! – Люсиль дрожащими руками поставила свечу и принялась истово молиться.

А Летиция глядела с удивлением на рисунок и не могла понять – кто мог так над ней подшутить? Что это ещё такое? Наклонилась, разглядывая его как зачарованная, и дотронулась до неровной линии. Пальцы размазали белую пыль. Глаз не был нарисован. То, что она приняла за мел, оказалось кукурузной мукой, но кровь в центре зрачка была настоящей.

Глава 3. Та-что-приходит-по-ночам

– Я не понимаю, мама, ну почему ты вцепилась в эту плантацию, как чёрт в грешную душу? – Эдгар Дюран отложил салфетку, стараясь сдержать раздражение.

Упрямства ему было не занимать, спокойствия тоже, но куда там тягаться в этом с мадам Эветт Дюран! Если той втемяшилось что-то в голову, спорить, ясное дело, бесполезно. Голубые глаза мадам Дюран превращались в ледышки, а тонкие губы сжимались, придавая лицу суровое выражение. И не хватало только хлыста, которым она охаживала строптивых ньоров, чтобы стало понятно – спор проигран до его начала.

– Что значит «вцепилась», сынок? – у Эветт Дюран не голос – патока, особенно приторным вышло слово «сынок».

Мадам Дюран тоже отложила салфетку, выпрямилась и чуть поправила рукой локон и без того идеальной прически. Эдгар прищурился, хотел ответить, но не стал. Знал, чем закончится этот разговор – укорами в его бесчувственности, а потом сердечными каплями, роль у которых только одна – придать трагизм ситуации. С сердцем у мадам Дюран всё было в порядке, и иногда Эдгар вообще сомневался в том, что оно у неё есть.

– Ладно. Забудь.

Далась ей эта плантация!

За те неполных два месяца, что Эдгар пробыл здесь, он успел изучить состояние дел и понял – а дело-то дрянь. Из мадам Дюран управляющий плантацией, как из него пастор. Его мать умудрилась сделать всё возможное для того, чтобы отправить семейное предприятие в глубокую яму неминуемого банкротства – заключила контракт с реюньонской сахарной компанией на кабальных условиях, выполнить которые едва ли получится. Так что по осени сахарные дельцы ошпилют их до последнего пера, как гуся-казарку. Тростника посадили мало, работников на плантации – кот наплакал, а в довесок ко всему мадам Дюран взяла ещё и кредит в банке Фрессонов под умопомрачительные проценты, чтобы купить новый экипаж и отремонтировать дом. Будто новые обои не могли подождать до осени! А потом написала сыну слёзное письмо с просьбой приехать и помочь с делами...

Он бы не поехал – никогда не любил эти места, да и в поместье живут ещё его дяди Венсан и Шарль, и кузены Марсель и Грегуар – есть кому заниматься плантацией, но к жалостливому письму матери прилагалась ещё и записка от дяди:

«...ты же у нас башиковитый, как и твой отец был, а у меня голова трещит от всех этих облигаций займа, закладных и купчий! Я же в этом не разбираюсь. Того и гляди клятые Фрессоны обдураят и меня, и Эветт! Им бы, кровопийцам, только содрать побольше свой процент. Венсан уже совсем плох, даже меня не узнаёт. Ну а с моих балбесов чего взять? Марсель и писать-то умеет только своё имя, а Грегуар, сам знаешь, сначала стреляет, а потом начинает читать. Так что хорошо бы тебе глянуть одним глазком...».

Дядя не соврал. Поместье Эдгар застал в довольно жалком виде. После смерти отца всё тут довольно быстро пришло в запустение. Сахарный пресс сломался, и никто не собирался его чинить, а тростник возили за четыре лёё к Грейсонам, из-за чего пришлось купить ещё нескольких мулов. Куда делась большая часть рабов – Шарль внятно ответить не смог, ссылаясь на управляющего Тома. А тот только мялся да нёс всякую чушь про аллигаторов, лихорадку и топи, будто во всей округе ньоры мёрли только в поместье «Жемчужина». И по бегающим глазам Тома было видно – он врёт, но проблемы навалились на Эдгара все и сразу, и он решил заняться лживым управляющим немного позже.

От кузенов толку тоже было чуть. Всё, что они делали – пили ром и торчали то на болотах, охотясь на аллигаторов, то в засаде вдоль протоки, наблюдая за поместьем «Утиный остров»

и надеясь подстрелить старого хозяина – Анри Бернара, когда тот зайдёт на их территорию. Междоусобная вражда с соседом давно превратилась в единственный смысл их жизни.

Эдгар откинулся на стуле, глядя поверх головы мадам Дюран в густые заросли на берегу Арбонны. Когда погиб отец, его завещание, конечно, стало для всех сюрпризом. Во-первых, потому что оно вообще нашлось: Огюст Дюран был ещё не стар и полон сил – с чего бы ему думать о завещании и тем более его составлять у нотариуса? А во-вторых, в нём он всё до последнего луи отписал Эветт Дюран – своей жене, и, что греха таить, поступил он не слишком умно. А учитывая то, что с ней он не ладил последние двадцать лет и даже жили они порознь – он – на плантации, а она – в Реюньоне, – то всё это было и вовсе странно.

Теперь же, изучая дела, Эдгар пришёл к выводу, что отцу стоило бы вовремя продать «Жемчужину», до того, как всё покатилося по наклонной, потому что теперь, с такими долгами, это вряд ли получится сделать за нормальную цену.

– Ну, раз ты не хочешь говорить об этом, что же, может, поговорим о другом? – Эветт перевела взгляд на их гостя – Рене Обьера, который тоже деликатно рассматривал долину реки, делая вид, что не слышит перепалки матери и сына. – Вы знаете, Рене, что у Эдгара теперь есть невеста?

– В самом деле? – левая бровь Рене так и подскочила вверх. – И что же ты молчал об этом, мой друг?

Лицо у Рене и так почти всегда было весёлым, а тут едва не трескалось от смеха. Ещё бы – теперь у него появился новый повод подтрунивать над другом детства. Сам мсье Обьер недавно женился, и в браке был почти неприлично счастлив. И флюиды его счастья необъяснимо действовали на всех, кто находился рядом.

Вот и мадам Дюран всё утро долго и подробно расспрашивала его о медовом месяце, который он с женой провёл в Старом Свете, о планах по перестройке дома, о том, сколько детей они хотят, что казалось, будто Рене для неё больший сын, чем Эдгар. С того момента, как она узнала о женитьбе Рене, её мысли повернули в новое русло – а почему бы Эдгару снова не жениться и не осесть на плантации? И, надо сказать, она приложила массу усилий, оповестив всю округу о том, что её сын не прочь присмотреть невесту из дочерей местных плантаторов.

– Мама! С чего вообще ты это взяла? – Эдгар отодвинул тарелку.

Мадам Эветт сегодня была явно в ударе, и он понимал, что, взяв в союзники Рене, она не отстанет от него так просто.

– А с того, что ты уж что-то зачастил в поместье к Лаваль, – ответила Эветт, самолично разрезая пирог. – И ездил к ювелиру – я-то не слепая...

Ради мсье Обьера она сегодня достала тарелку лучшего фарфора с узором из незабудок и решила даже не доверять служанкам орудовать ножом на столь ценном предмете посуды.

– И поверь, я совсем не против прекрасных манер и голубых глаз старшенькой Флёр. Попробуйте пирог, Рене. Наоборот, я была бы очень рада, если бы мы, наконец, породнились с Лаваль. Семья у них достойная, и хозяйство крепкое. Можно было бы снести этот уродливый забор между нашими плантациями, и знаешь, если удлинить аллею...

– Довольно об этом, – Эдгар встал.

– Тебе почти тридцать лет, сынок! Поверь, я не бесчувственная, – Эветт отложила нож, – я понимаю, кого ты потерял. Но ты не можешь скорбеть о них вечно и винить себя! Даже в Священной книге написано: всякой скорби своё время и место, а радости – своё, и за всякой скорбью приходит радость. И уж твоё время скорби затянулось, сынок! А я была бы совсем не против породниться с соседями, – Эветт чуть улыбнулась Рене, словно давая понять, что она с ним заодно.

– Спасибо, было вкусно, – произнёс Эдгар коротко, вышел из-за стола и спустился вниз с открытой веранды, чтобы избежать продолжения неприятного разговора.

– Ну вот скажите – разве я не права? – Эветт со вздохом отложила нож.

– Мадам Дюран, поверьте, я буду тоже только рад, если ваш сын женится и останется здесь! – Рене улыбнулся и отложил десертную ложку. – Прекрасный пирог! Благодарю за обед, мадам Дюран, всё было просто непревзойдённо вкусным, но меня ждут дома, а нам с Эдгаром нужно решить ещё кое-какие вопросы. Прошу меня извинить, и буду рад, если вы навестите нас как-нибудь на неделе.

Рене откланялся, вышел из-за стола и нагнал друга во дворе. Они направились на другую сторону дома, в тень больших деревьев, где расположились в плетёных креслах. Служанка принесла сигары и кофе, и некоторое время они сидели молча.

– Так это правда? Насчёт Флёр Лаваль? – спросил Рене, закуривая сигару.

– Почему нет? – пожал плечами Эдгар. – Просто мадам Дюран бывает слишком навязчива, а так... Ты-то вряд ли имел виды на мадмуазель Лаваль?

Он усмехнулся. Зная жену друга, Эдгар понимал, что его Полин – полная противоположность жёсткой и циничной Флёр.

– Упаси бог! Если я захочу завести в доме хищника, я лучше притащу с болот аллигатора! Это будет точно безопаснее, чем связываться с Флёр! – усмехнулся Рене, взмахнув рукой, и дым от сигары, описав дугу, завис в неподвижном воздухе.

– Тут ты прав – она выпьет любого досуха, – ответил Эдгар, разливая по стаканам ром аньехо, и добавил, протягивая стакан Рене, – попробуй – пятилетней выдержки. Мой сумасшедший дядя Венсан, к счастью, не успел опустошить эти бочки. А Шарлю и моим кузенам всё равно что пить, и они пьют то, что стоит ближе к входу.

Этот ром – гордость поместья Дюранов. Его отец – Огюст Дюран – не поскупился, привёз хересные бочки из самого Реюньона, отвалив за них баснословные деньги на аукционе. Но оно того стоило. Ром, выдержанный в этих бочках, был, как он выражался, словно «поцелуй красоты» – насыщенный, густой, терпкий и пряный, с небольшой ноткой сладости.

– Ну что, за твой счастливый брак? – Эдгар отсалютовал другу стаканом.

– А, может, за будущий твой? – усмехнулся Рене. – Хотя... Признаться, ты меня удивил. Из всех девиц в округе ты выбрал именно Флёр!

– Ну... Мсье Лаваль был более чем щедр. Признаться, и настойчив тоже. Это он предложил мне этот брак, услышав болтовню моей матери о том, что я ищу невесту.

– Я и не удивлён, – ответил Рене, – уверен, ты слышал, что говорят о ней в округе. Ты, кстати, не боишься?

– Чего?

– Флёр Лаваль – она же, как десмод⁷, высосет из тебя всю кровь, вернее, всю душу...

– Думаешь, она сможет? – спросил Эдгар, разглядывая ром в стакане, и добавил как-то устало: – Нет, Рене, я не боюсь. Нельзя выпить то, чего нет. Я для неё – пустой сосуд. И в моём случае из Флёр Лаваль получится идеальная жена.

Он пожал плечами и посмотрел сквозь напиток на солнце, что пронизывало золотыми нитями ажурную листву тамаринда.

– Из Флёр? Идеальная жена? – светлые брови Ренье снова взметнулись вверх. – Вот уж не думал, что у тебя есть к ней какие-то чувства!

– Да нет у меня к ней никаких чувств. Как и у неё ко мне. Но это и хорошо для нас обоих. Собственно, это мне и нужно. Я не хочу никаких чувств, Рене. Больше не хочу, – он сделал большой глоток и, поставив стакан, тоже взял сигару. – Любовь всегда заканчивается болью. А я не хочу больше боли.

– Мне жаль... То, что случилось с твоей семьёй...

– Не стоит об этом, – оборвал его Эдгар.

⁷ Десмод. – кровососущая летучая мышь.

– Ты разве не хочешь снова попытаться обрести счастье? Найти хорошую девушку, – спросил осторожно мсье Орбье. – Говорят – время лечит.

– Рене, я понимаю – ты счастлив и всех хочешь сделать счастливыми, но... – Эдгар сделал паузу, задумчиво затянулся, глядя, как дым путается в длинных нитях ведьминых волос, свисающих с ветвей дуба над ними, а потом добавил: – Ты ведь знаешь, что наша семья проклята? Такое время не лечит...

– Эдгар! – фыркнул Рене. – Ну ты вроде образованный человек! Ты учился в Старом Свете! Ты инженер, в конце концов! Неужели ты веришь в проклятья, глаза на стене, петушиную кровь и всех этих плетёных кукол из волос, которых боятся ньюры?

– Когда-то и я рассуждал вот так же, – негромко ответил Эдгар. – А теперь понимаю, что даже бегство на север из этих болот не спасло меня от семейного проклятья. Ты ведь знаешь, что произошло с каждым в нашей семье? Сначала мой дед Гаспар, после – дядя Венсан, потом отец... и моя семья... Посмотри на нас: мой дед прострелил себе голову, Венсан помешался, Шарль почти спился, мой отец тоже, и утонул прямо на берегу, будучи пьян, а мои кузены... ну, они, по-моему, уже родились такими. От Шарля сбежала жена. И только моей матери почему-то нравится здесь жить...

Он замолчал и развел руками.

– Сказать по правде, твой дядя Венсан пил столько рома и с утра до вечера нюхал «чёрную пыль» – да от этого не мудрено сбрендить! К чему вся эта болтовня про проклятья? – Рене чуть улыбнулся, от чего его веснушчатое лицо приобрело заговорщицкий вид. – Твой дед только и делал, что сидел в засаде на болотах да следил за Бернарами, мечтая подстрелить старого пирата Анри. Он ненавидел соседей – и это его погубило. Твои кузены таскались за дедом в детстве и не научились ничему другому, кроме как стрелять и жевать табак, но при чём тут проклятья?

– К тому, что я тоже её видел... Прямо здесь, в своей спальне...

– И кого же ты видел? – осторожно спросил Рене.

Эдгар посмотрел на друга, но в голубых глазах мсье Орбье было столько скепсиса, что он лишь отмахнулся.

– Ладно. Забудь.

– Допустим, не всё у вас с делами сейчас гладко, но жениться на Флёр... Пфф! – Рене покачал головой.

– К слову о Флёр Лаваль, – спокойно ответил Эдгар, – знаешь, жена, занятая нарядами и приёмами, которая живёт в Альбервилле, пока её муж торчит на плантации, меня более чем устроит. Я буду счастлив здесь, она – там. Ей нужен муж, который будет смотреть сквозь пальцы на её светскую жизнь, мне нужна жена, которой будет наплевать на то, что она мне не интересна и не дорога. Мы идеально подходим друг другу. К тому же она богата, а мне не помешают несколько тысяч экю, чтобы разобраться с делами. Ты прав – у нас не всё гладко. Моя матушка и дядя умудрились довести «Жемчужину» до банкротства, да ещё и набрать обязательств, по которым теперь расплачиваться придётся мне. И, честно говоря, я даже не знаю с чего начать. Я здесь всего полтора месяца, но уже успел по уши увязнуть в долговых расписках моей матери – в мире нет более бестолкового человека в финансовых вопросах, чем Эветт Дюран! Брат в банке под такие проценты! – он усмехнулся и ещё отхлебнул из стакана. – По правде сказать, из меня никудышный плантатор, Рене. Но мать словно помешалась – хочет, чтобы я остался здесь, женился и осел на этих болотах!

– А ты чего хочешь? – Рене поставил стакан.

– Больше всего я хочу сбежать отсюда. Но я не могу оставить её с этими долгами и моими безумными дядями. С другой стороны, а куда мне бежать? Я всё потерял. Да и от себя убежать ещё никому не удавалось, – он хлопнул рукой по подлокотнику плетёного кресла, – ладно, хватит хандры. Знаешь, я хотел попросить тебя вот о чём...

Эдгар замолчал. Курил и смотрел с прищуром на разливы Арбонны, и его тёмные глаза казались почти чёрными. И Рене заметил, что на лбу у его друга детства пролегли две едва заметные морщины. Лицо у Эдгара вообще всегда казалось серьёзным. Эмоции на нём прощальзывали редко. Улыбался он тоже не часто, да и с другими откровенен почти не бывал, так что сегодняшний разговор сильно удивил Рене.

Кто не знал Эдгара близко, подумал бы, что он человек немногословный, суровый и жёсткий. Даже внешне он казался таким. Чёрные волосы коротко острижены и зачесаны назад по северной моде. Кожа пока что светлая, ещё не схвачена намертво коричневым южным заггаром, а на контрасте с ней – чёрные брови и глубоко посаженные глаза, тёмные, как тростниковая меласса⁸. И взгляд у него пристальный, жгучий, из тех, что смотрят прямо в душу и видят в человеке всё без прикрас – полная противоположность самому Рене, который в людях видит только хорошее. Даже на вид Эдгар казался чуть старше своих тридцати лет, а вот Рене, наоборот, младше.

– Так о чём ты хотел попросить? – спросил Рене, прерывая затянувшуюся паузу.

Эдгар посмотрел на него рассеянно, словно не знал, как лучше выразить свою мысль, и, оставив стакан, наконец, произнёс:

– Знаешь... Мне нужно купить рабов. Обязательства перед сахарной компанией надо как-то выполнять. А тут вообще никого не осталось, не знаю, куда их подевали мои безумные родственники. Может, разбежались, может, Том куда-то их умыкнул – надо ещё разобраться. Но вот... сама мысль об этом занятии меня угнетает.

Эдгар развел руками и продолжил, будто извиняясь:

– Покупать людей... Я ведь давно здесь не жил, я вырос на севере, не знаю даже, как к этому подступиться. Одно дело – нанимать рабочих, а другое дело – покупать их, как скот. И я хотел попросить у тебя совета...

– Мой бог! Да что может быть проще? – воскликнул Рене, вставая. – Тоже мне, проблема! Ну ты ставил деньги на скачки? Или был на кулачных боях? Принцип тот же. Смотришь на зубы, на руки-ноги, платишь – да и всё.

– Рене, скачки и рабы – не одно и то же. Я бы и в страшном сне не представил, что мне придётся платить за человека на рынке, да ещё и в зубы ему заглядывать, как лошади. Да только деваться некуда, – он затушил недокуренную сигару, с усилием раздавив её в глиняном черепке.

– Тогда возьми с собой дядю Шарля, он хоть и редко бывает трезв, но уж в рабах прекрасно разбирается.

Эдгар посмотрел на друга исподлобья.

– Ну, хорошо, – Рене тоже затушил сигару. – Я как раз собирался в город. А знаешь, я даже рад этому – поедem вместе. Остановитесь с дядей у меня. Будет карнавал и последний бал сезона, заглянем в Южный квартал – на бал квартиронок, – Рене подмигнул, – тебе нужно развеяться. Ты мрачен, как на поминках. Тебе стоит найти себе какую-нибудь пессию – хорошенькую квартироночку, и забыться в жарких объятиях. А то твои разговоры о Флёр как идеальной жене и о проклятье начинают меня пугать. Того и гляди, начнёшь рисовать ве́ве⁹ из кукурузной муки да синие глаза под окнами, как твой дядя Венсан, – Рене похлопал Эдгара по плечу. – Едем в Альбервилль! Я научу тебя развлекаться.

– Развлекаться? И это говорит мне счастливо женатый человек? – Эдгар скупно улыбнулся.

– Я же не сказал, что буду развлекаться сам. Я сказал, что научу тебя, – усмехнулся Рене.

Эдгар проводил друга и долго смотрел, как тот удаляется по аллее, обсаженной полувекковыми дубами.

⁸ Меласса – чёрная патока, продукт сахарного производства, сиропоподобная жидкость тёмно-шоколадного цвета.

⁹ Ве́ве – религиозный символ (рисунок), обычно используемый в вуду для вызова духов.

Эту плантацию его дед – Гаспар Дюран – купил у какого-то охотника за аллигаторами, которому его слишком ретивый трофей отхватил кусок лодыжки. Тогда здесь была только хижина, охотник собирался строить дом, посадил эту аллею, но после того случая решил избавиться от участка по сходной цене. А Гаспару место понравилось. Этот берег Арбонны был чуть выше – меньше гнуса и не топит в сезон дождей, одно было во всём неудобство – дед испортил отношения с соседом по фамилии Бернар. Да не то слово испортил – они стали непримиримыми врагами.

В детстве, когда мадам Дюран привозила сюда Эдгара погостить, он слышал немало кровавых эпизодов из истории семейной вражды. Дед Гаспар часто напивался, и пока мадам Эвент не слышала, рассказывал их внуку, перемежая историю ругательствами из пиратского лексикона.

Эти истории всегда казались Эдгару чем-то вроде страшных сказок, они и пугали, и были до дрожи интересными. Ну, рассказывают же няньки девочкам о принцах и прекрасных садах, мальчикам о сражениях, а ему вот достались сказки о пиратах. А ещё – о проклятье этих болот, что пало на голову его деда. О Той-что-приходит-по-ночам.

Она – сама тьма, с глазами черными, как аирский жемчуг...

Это частенько с придыханием шептал ему дед Гаспар, когда они лежали на болотах в засаде. И маленькому Эдгару она представлялась то ведьмой, то совой, то женщиной с головой аллигатора, потому что дед всё время путался в описаниях того, как она выглядит. Зато дед научил его метко стрелять и охотиться на аллигаторов и каждый раз говорил, что если Эдгар встретит «это порождение тьмы», то надо, чтобы он уж точно не промахнулся...

«Порождение тьмы» он так ни разу и не встретил.

А став взрослым, Эдгар понял, что дед просто медленно сходил с ума, пил слишком много рома и нюхал «чёрную пыль», вот ему и мерещилось всякое, и никакого «порождения тьмы» не существует.

И так он думал ровно до того момента, пока три дня назад не проснулся ночью от удушья. Лето вползало в низовья Арбонны постепенно, наполняя воздух испарениями болот и жарой, а эта ночь казалась какой-то особенно душной и влажной. Окна были открыты, где-то ухал речной филин, но не жара стала причиной внезапной волны страха, что накатила на Эдгара, заставив покрыться холодным липким потом – из темноты комнаты на него кто-то смотрел.

А может, смотрела сама темнота. И сразу же вспомнились слова деда: «Эта треклятая тьма будет смотреть тебе прямо в душу». Она и смотрела – в углу комнаты, словно застыл сгусток самой ночи. Тихо скрипнула половица, зашуршали юбки, и Эдгар поклялся бы, что по щеке мазнуло сквозняком. Он вскочил, зажёл свечу, но в комнате никого не оказалось, а дверь была закрыта.

Он спустился вниз, оглядел холл, столовую, выпил из графина кипячёной воды и плеснул в лицо. Дом спал, и на крыльце, растянувшись, мирно дремали собаки, а значит, посторонних в округе нет. Эдгар постоял немного, прислушиваясь, но тишину лишь изредка нарушал плеск воды – ондатры или выдры возились в прибрежных зарослях да летучие мыши с писком дрались в ветвях глицинии где-то над крышей. Видимо, это детские воспоминания пробудились у него внутри, вернув в реальность те самые страшные рассказы деда. Сердцебиение вскоре успокоилось, и Эдгар вернулся в спальню.

На следующий день он то и дело возвращался мыслями к тому, что случилось. А потом спустился в кухню к старой Лунэт – ньоре, что помнила ещё его деда, и спросил, не слышала ли она чего этой ночью.

Лунэт прятала глаза, перебирая фасоль в деревянной плошке, но толком ничего сказать не могла, лишь ссылалась на старость и плохой слух. А вечером сама разыскала Эдгара под навесом, где он разбирал сахарный пресс, и сунула в руки полотняный мешочек, расшитый

мелкими речными раковинами. Внутри оказалась деревяшка, на которой был вырезан глаз, с радужкой, выкрашенной индиговой краской.

– Это ещё что такое? – спросил Эдгар укоризненно, вытирая руки промасленной ветошью.

– Гри-гри¹⁰, массэ. От всякого зла, – пробормотала Лунэт, пряча большие руки в складках клетчатой юбки.

Эдгар протянул его обратно.

– Оставь себе, мне он ни к чему.

Но старая ньора не взяла мешочек, только втянула голову в плечи и произнесла тихо:

– Ну, хоть в комнате положите, чтобы он рядом с вами лежал, когда вы спите, массэ. Тогда, может, всё и обойдётся. А ещё лучше – не гасите на ночь свечу и перед сном оглянитесь трижды на дверь.

Эдгар отложил мешочек и, посмотрев внимательно на Лунэт, спросил:

– Значит, ты соврала мне, когда сказала, что ничего не слышала этой ночью? Здесь кто-то был?

– Нет, массэ. Я и правда ничего не слышала! – испуганно произнесла ньора.

– Тогда с чего ты решила, что мне нужен амулет? И свеча? Кто это был, Лунэт? О ком рассказывал всё время мой дед Гаспар? Отвечай или... высеку, – произнёс он устало.

Бить Лунэт он, конечно, не собирался. За всё время своего пребывания здесь он вообще никого не наказывал, но приученные к наказаниям ньоры говорили правду, только если над ними нависал кнут хозяина.

– Простите, массэ, – Лунэт перетаптывалась с ноги на ногу и по-прежнему втягивала голову в плечи, словно Эдгар и правда стоял с кнутом.

– Лунэт, послушай, – он взял за плечи старую женщину, – посмотри на меня. Я не буду тебя бить. Просто скажи мне, кто это был?

– Даппи¹¹, массэ. Злой дух этих болот, – шёпотом ответила старая ньора и оглянулась в сторону зарослей.

Эдгар выдохнул.

Злой дух, значит! Ну-ну... Хотя, чего он ожидал?

– Ладно, иди. Возьму я твой амулет.

Старая ньора расплылась в улыбке и быстро ушла. А вечером Эдгар обнаружил возле двери своей спальни плошку с пересоленной кукурузной кашей и осколок зеркала.

Ну ещё бы! Даппи ведь не любят соли, а если увидят себя в зеркале, то испугаются и уйдут!

Он вспомнил рассказы своей няньки-ньоры, усмехнулся, отодвинул ногой плошку, понимая, что, видимо, он, как новый хозяин поместья, вполне устраивает рабов, раз они так пекутся о его здоровье.

И, может, миска с кашей помогла, а может, всё это и правда было случайным кошмаром, но с того дня он спал вполне сносно. Не считая гнуса и жары, к которой ещё не привык, ничто его больше не беспокоило. Только внутри где-то так и осталась уверенность, что эта встреча с «порождением тьмы» была не последней.

Проводив Рене, Эдгар вернулся в дом и засел за бумаги – разбирать записи управляющего. Выдвинул ящик письменного стола – поверх папки лежала коробочка с кольцом. Он достал её, открыл и некоторое время смотрел на прозрачный камень.

Флёр Лаваль сейчас в Альбервилле, но одобрение её отца на этот брак он уже получил. А заодно и заручился от него поддержкой и парой писем банкиру – будущий тесть взялся

¹⁰ Гри-гри – талисман вуду или амулет для защиты владельца от зла или на счастье.

¹¹ Даппи. – призрак или дух, встречающийся в Карибском фольклоре.

помочь в вопросе снижения процентной ставки по кредиту, а это было очень кстати. Рядом с коробочкой лежал портрет самой мадмуазель Лаваль – безупречно-красивой блондинки с голубыми глазами. Тугие золотистые локоны обрамляли красивое кукольное лицо – так и не скажешь, что под этой фарфоровой кожей бьётся «сердце аллигатора», как говорит его друг Рене.

Эдгар бы и не поверил, если бы сам не видел, как изящная рука в перчатке умело сжимает рукоять хлыста – и недели не проходило, чтобы Флёр не выпорола кого-то из своих служанок. Да так, что кожа у них потом свисала лохмотьями со спины. Скверный характер наследницы поместья Физалис стал уже притчей во языцех по всей округе и послужил причиной того, что Флёр, не смотря на хорошее приданое, всё ещё ходила в невестах. Никто не хотел брать в жёны аллигатора.

Зато Эдгар ей понравился сразу. Они даже вспомнили, как виделись несколько раз в детстве на каких-то семейных торжествах, где собирались семьи плантаторов. И вот сейчас Флёр вела себя совсем как хищник, заметивший добычу – она стала милой, кроткой и тихой, бросала на него нежные взгляды и в нужные моменты весьма умело покрывалась румянцем смущения. Впрочем, всё это было лишним. Своё решение о женитьбе Эдгар принимал не сердцем, и она это прекрасно знала.

Он достал из шкафа деревянную шкатулку и открыл её. Всё, что осталось от его семьи, уместилось здесь: пара украшений, маленький портрет в резной рамке, плетёная лошадка – любимая игрушка дочери... Прошло почти три года – сейчас ей было бы семь лет. Эдгар достал золотую цепочку, на которой висел кулон – два сердца, одно поменьше, второе побольше. Елена и Лили. А третье сердце – его настоящее сердце, – оно сгорело вместе с ними. Но оно ему больше не нужно. Не собирается он больше любить. А память... она и так навсегда останется с ним.

Он закрыл шкатулку и убрал вглубь шкафа, переложил портрет Флёр Лаваль в нижний ящик стола и накрыл его папкой. Завтра он поедет в Альбервилль и сделает ей предложение. Став мадам Дюран, она хоть рабов не будет драть кнутом, и то благое дело. А урожай её тростника этой осенью очень кстати поможет расплатиться по бумагам реюньонской сахарозаготовительной компании. Это ему клятвенно пообещал мсье Лаваль вместе со своим благословлением.

Глава 4. Суаре

Утром слуг наказали всех.

Как сказал дядя Готье, если они будут молчать и не выдадут того, кто нарисовал глаз в комнате мадмуазель Бернар, то сами виноваты. Но никто не сознался. Так что по пять плетей досталось и горничным, и кухаркам, и конюхам, и даже Люсиль.

Летиция сидела у себя в комнате и вздрагивала, слушая крики, что доносились с заднего двора. Это было ужасно, и она пыталась дядю отговорить – ведь ничего дурного не случилось, но Готье Бернар был непреклонен. А ну как рабам снова вздумается своевольничать и сделать такое в следующий раз в спальне хозяев? И нет ничего хуже, чем ньоры, которые начинают покрывать друг друга.

– Я бы на твоём месте так не расстраивалась, – сказала Аннет как ни в чем не бывало, – ньоры привыкли к порке, им пять плетей что слону дробинка, а уважения к хозяевам и их гостям добавит. К тому же папá позвал отца Джоэля. Говорят, он умеет изгонять из ньоров всю эту нечистую дурь. Ты готова?

Аннет стояла в комнате Летиции, в нетерпении хлопая по ладони веером.

– Ты что это делаешь? – спросила она, и её тонкие брови удивлённо поползли вверх.

– Постель... заправляю, – растерянно произнесла Летиция.

– Ты с ума сошла? А слуги на что?

И Аннет посмотрела на неё так, что Летиции показалось – сейчас она услышит вездесущее бабушкино «Чего и следовало ожидать». Вспыхнувшее во взгляде Аннет недоумение почти сразу сменилось презрением, которое кузина быстро погасила усилием воли, но и этого было достаточно, чтобы Летиция его заметила.

Ну вот, дала повод лишний раз поглумиться!

– Я уже иду, – Летиция поспешно схватила шляпку и направилась к двери.

На подъездной аллее они встретили священника, и Летиция немало удивилась тому, что он оказался ньором. Средних лет, высокий, крепкий, плечистый, он шёл степенно, как и полагается святому отцу, неся в руках книгу в синем переплёте. И если бы не его сутана и белая колоратка, подпирающая шею, Летиция бы подумала, что это кто-то из помощников самого Готье Бернара.

– Это отец Джоэль, – произнесла Аннет, перехватив заинтересованный взгляд Летиции. – Папá его позвал после вчерашнего. Он держит ньоров в строгости – приходит раз в неделю для проповедей. Как говорит мамá – не даёт семенам зла и греха прорасти в их чёрных душах.

Кузина кивнула ему сдержанно, и святой отец церемонно кивнул в ответ, но его взгляд почему-то задержался на Летиции, и он даже замедлил шаг, пристально разглядывая незнакомку. Словно хотел убедиться, нет ли в её душе семян зла, а то и целых зелёных побегов. Может, это она сама баловалась в комнате кукурузной мукой и кровью?

– Надеюсь, он вразумит этих черномазых, – добавила Аннет. – Ну, чего ты стоишь? Нам пора.

Летиция даже поёжилась и, чтобы избежать пристального взгляда отца Джоэля, быстро забралась в коляску.

Дядя Готье велел им проехаться по магазинам и купить нарядов, разумеется, всё за счёт принимающей стороны – жест гостеприимства. Летиция попыталась отказаться, но дядя настоял, сказав, что дедушка Анри уж наверняка обрадуется, увидев внучку в красивом платье, и их семья точно не обеднеет от пары сотен экю. И что это просто подарок в память об её отце. Но, если она сильно против, то он потом вычтет это из причитающейся ей доли в наследстве.

Дядя был так настойчив, что пришлось согласиться. Вообще, хотелось быстрее убраться из этого дома, лишь бы не слышать криков, раздающихся с конюшни. Похоже, что порка на заднем дворе никого не смущала, кроме самой Летиции.

О своём кошмарном сне она, понятное дело, никому рассказывать не стала, но мысль о том, чтобы снова ночевать в доме Бернаров, почему-то была ей неприятна. И попросив дядю уделить ей минутку перед поездкой, Летиция опять завела разговор о том, чтобы поскорее отправиться на плантацию. В этот раз ей показалось, что дядя расстроился. Он долго извинялся за происшествие в её комнате и обещал, что такого больше не повторится, но, непонятно почему, разговор с ним оставил у Летиции в душе неприятный осадок. Может, потому что дядя старался не смотреть ей в глаза?

Бабушка бы её, конечно, отругала. Она же велела ей быть покладистой и понравиться новым родственникам. Люди проявили о ней заботу, хотят показать город и развлечь, дарят подарки, а она своим настойчивым желанием уехать даёт им понять, что ей не хочется здесь находиться. И за это ей даже стало стыдно перед дядей.

Их коляска прокатилась по рю Виктуар и свернула на рю Верте. Первым делом Аннет потащила кузину в магазин готового платья. Они выбрали кое-что подходящее из лёгкого муслина, муара и тафты. Два платья забрали сразу, а для остальных портниха сняла мерки, обещала подогнать всё по фигуре и к утру прислать наряды в дом Бернаров. Затем они купили Летиции зонтик, шляпки, перчатки и ещё множество необходимых мелочей, без которых на юге «сразу станешь чернее ньюры с плантации или какой-нибудь квартеронки», как выразилась Аннет.

И хоть говорилось это из лучших побуждений, но каждый раз Летиции было неприятно слышать, как кузина нарочито проводит эту черту, отделяя себя от тех, в ком текла хоть капля чёрной крови. В понимании Аннет, только девушка с безупречно белой кожей и такой же родословной могла называться «нъеж», а все остальные делились аж на целых восемь категорий «нечистой» крови по степени черноты их кожи. Сказано это было вскользь, не специально, но Летиция умела слышать намёки. Ей хотелось сказать кузине всё, что она об этом думает, но от того, чтобы осадить Аннет, удерживали наставления мадам Мормонтель о том, что нужно быть покладистой и скромной.

Ну что же, раз она недостаточно белоснежна для этого города, пусть так и будет!

Летиция задержалась в лавке и купила красивый платок с рисунком из павлиньих перьев.

– Зачем тебе эта вульгарная вещь? – спросила Аннет, небрежно пощупав край платка.

– Просто хочу купить, – передёрнула плечами Летиция.

– Такое носят только ньюры, – фыркнула кузина.

Но Летиция не стала отвечать. Платок она решила подарить Люсиль, и не стоит Аннет об этом знать. Всё-таки Люсиль наказали ни за что, обвинив в том, что она, как служанка Летиции, плохо следила за её комнатой.

А как она должна была следить за комнатой ночью? Под дверью, что ли, спать?

Но это наказание слуг просто ради наказания произвело на Летицию сильное впечатление, и ей хотелось хоть вот этим подарком загладить свою вину перед Люсиль.

– Идём, нам ещё нужны вуалетки, – Аннет указала на лавку, где продавали шпильки, веера, расчески и украшения для волос, – сегодня мы приглашены на суаре¹² к Фрессонам, а значит, волосы нужно убрать в особую гладкую причёску – такая тут традиция, – Аннет покосилась неодобрительно на пышные тёмные локоны Летиции. – Фрессоны – очень уважаемая и респектабельная семья в Альбервилле, и большие ценители традиций. Мсье Фрессон – банкир, а его сын Жильбер – очень умный молодой человек, и весьма перспективный. Так что выглядеть нужно подобающе.

¹² Суаре – званый вечер, пикник.

По лицу Аннет и её интонации Летиция поняла, что к мсье Фрессону-младшему её кузина явно равнодушна, и подумала, что если Аннет считает его умным и перспективным, то, скорее всего, он ещё более «породистый» и занудный, чем даже дядя Готье. А то, что семья Фрессонов принадлежит к альбервилльской аристократии, вызвало у Летиции стойкое желание пропустить это суаре. Скорее всего, там будут вести скучные разговоры о цене на хлопок и сахар, чваниться своей «чистой» кровью и прятаться под зонтиками от солнца.

Но она не стала возражать кузине и купила вуалетку, сетку для волос и баночку какого-то воска, что должен был придать гладкость волосам и победить непослушные локоны. Побеждать свои локоны Летиция вообще-то не собиралась. Наоборот, что и говорить, с волосами ей повезло – густые, чуть выющиеся, они без труда собирались в пышную причёску, и не нужно было ни греть щипцы в камине, ни спать на деревянных бигуди, как другим девушкам. Но Аннет настояла: традиция требует – нельзя явиться к Фрессонам «с лошадиной гривой на голове», и сказано это было таким тоном, что Летиция уступила. Воск пах приятно и был похож на жидкий янтарь – это примиряло с необходимостью мазать им волосы.

Вообще, она заметила, что кузина Аннет всякий раз будто нарочно указывает на какие-то недостатки её внешнего вида, делая это, правда, завуалированно – ссылаясь на традиции и то, что «тут так не принято». Но по смыслу было понятно, что для альбервилльского общества Летиция недостаточно «чистая» и утончённая особа, и её общество бросает тень и на саму Аннет. «В таком платье нельзя...», «Ты же не думаешь пойти в этих туфлях...», «Неужели ты хочешь показаться без перчаток?». Каждое восклицание сопровождалось таким изумлением, словно Летиция – ни больше ни меньше – чертыхнулась в храме или собиралась пройти голой по рю Верте. И за время их поездки эти бесконечные поучения со стороны кузины так ей надоели, что она едва сдерживалась, чтобы не произнести чего-нибудь лишнего.

И только наставления бабушки удерживали её от того, чтобы сказать Аннет, что для той, чей дед был пиратом, она слишком уж мнит себя аристократкой. Но скажи она что-то подобное – можно смело собирать вещи и ехать в гостиницу.

Когда они вышли наружу и сложили свёртки в коляску, Летиция обернулась и на двери одной из лавок увидела тот самый глаз, что был нарисован на полу в её комнате прошлой ночью.

– А что означает этот знак? – спросила она у Аннет.

– Этот? Фи! Безбожники ньюры, которым не достаёт молитвы и плетей, рисуют его, чтобы защититься от всякого зла, – ответила Аннет, бросив короткий взгляд на дверь. – Им повсюду мерещатся даппи – злые духи, и они всерьёз верят, что те могут прийти и украсть их душу. Как будто души рабов кого-то интересуют! Ну а эта мазня их якобы защитит. Сами придумали – сами верят.

– Так этот глаз – просто защитный знак? – спросила Летиция, присматриваясь к двери.

– Да, но я ума не приложу, кому могло понадобиться рисовать его в твоей комнате. Наверное, это всё-таки дурочка Люсиль. Мало её пороли! Идём, нам надо ещё многое успеть.

– А что в этой лавке? – спросила Летиция, разглядывая синий глаз с красным зрачком – в какой-то момент ей показалось, что этот зрачок смотрит прямо на неё.

В окне лавки стояли бутылочки тёмно-зелёного стекла, на горлышке каждой из которых были повязаны разноцветные нитки. Позади них виднелись склянки с настойками, висели пучки сушёной травы, а поверху шла косичка, сплетённая из маленьких красных лукович, словно праздничная гирлянда. Над дверью Летиция разглядела потемневшую от времени вывеску: «Лекарственные настои мд. Лафайетт».

– Это нехорошая лавка, – уклончиво ответила Аннет и взобралась в коляску, – здесь торгуют всякими зельями и амулетами. Едем.

– Зельями? – удивлённо спросила Летиция. – Какими зельями?

– Ну... приворотными, отворотными... и не только, – добавила Аннет, раздражённо расправляя складки на платье, – глупости всё это.

А Летиция едва рот не открыла.

Вот так запросто торгуют приворотными зельями? И все об этом знают? А куда же смотрят городские власти? И святые отцы?

Бабушка Жозефина, наверное, отстегала бы её чётками только за то, что она вообще стояла рядом с этими склянками. Но, с другой стороны, бабушки здесь не было, а она уже вполне взрослая женщина и сама может решать, где ей стоять. Хотя это, конечно, было жутко неприлично, но и также жутко любопытно. Ведь в прошлой жизни, той, что была в Старом Свете, видеть лавки с зельями вот так запросто ей не приходилось. И она невольно задержалась, заглядывая в загадочное окно.

Дверь «нехорошей» лавки открылась внезапно в тот самый момент, когда Летиция подобрала юбку, чтобы сесть рядом с кузиной в коляску. Из лавки вышла ньора – чёрная, как эбенное дерево, в высоком оранжевом тийоне, с рядами ярких бус на шее, и уже собиралась было направиться по своим делам, как взгляд её упал на кузин Бернар.

Что её так напугало, Летиция так и не поняла, но женщина отпрянула, прильнув к стене, и зажала рот рукой. Её чёрные глаза расширились от ужаса, так, что едва не вылезли из орбит, даже белки стали видны, а полные губы затряслись. Она что-то пробормотала, но слов было не разобрать, да и язык показался Летиции незнакомым. Единственное слово, что она смогла отчётливо расслышать – «экбалам». Женщина повторила его несколько раз, развернулась и со всех ног бросилась прочь по улице.

– Да поехали же! Что застыл? – недовольно воскликнула Аннет и ткнула возницу в спину ручкой веера.

– Что она сказала?

– Понятия не имею, – фыркнула Аннет, – да кому вообще интересно, что говорят ньоры?

* * *

Суаре у Фрессонов проходило в дальнем саду. Был ещё ближний сад – регулярный, где дорожки усыпал белый гравий, а кусты были пострижены в виде различных фигур: слонов, лошадей и птиц. Этот сад обрамлял дом в классическом стиле с белыми мраморными колоннами и большой верандой. В этом саду полагалось просто гулять, прикрываясь зонтиком от солнца, и показывать гостям плоды трудов искусного садовника. Ни на что больше этот сад не годился.

А вот дальше, там, где парадная часть усадьбы заканчивалась и природа брала своё, находился уютный уголок, заросший раскидистыми катальпами, которые неспешно роняли на траву цветы, похожие на маленьких белых бабочек. Лето встречало гостей водопадом лиловой глицинии, свисавшей кистями над входом в беседку, и на большой террасе с видом на Аирский залив стояли накрытые скатертями столы.

Над поляной витал умопомрачительный запах жареного мяса и лёгкий дымок от дубовых поленьев. Слуга нарезал мясо тонкими ломтиками, так, чтобы белые господа могли легко подцепить их вилкой и, поливая тамариндовым соусом, разносил между гостями.

Летиция чувствовала себя неловко, внезапно оказавшись объектом пристального внимания изысканного альбервилльского общества. Все здесь знали друг друга давно, и новая фигура – племянница Готье Бернара, пожаловавшая прямо из Старого Света – вызывала жгучее любопытство.

Впервые с того момента, как Летиция ступила на эту землю, ей стало не по себе. А вдруг кто-нибудь, вернувшись из Старого Света, расскажет историю её мужа? Вдруг кто-нибудь её узнает? Вероятность этого, конечно, была небольшой, но всё равно от мыслей об этом хотелось сжаться в комочек и перестать привлекать к себе излишнее внимание. Только сделать это было очень непросто.

Она чувствовала, как её придирчиво рассматривают дамы, изучая гостью от носков туфель, до кончиков волос, уложенных по настоянию Аннет в гладкую причёску. Надо ли говорить, что Летиция провела перед зеркалом весь остаток дня, доводя свой облик до совершенства. Ей так хотелось не ударить в грязь лицом перед знакомыми семьи Бернар, что даже голова разболелась, и заботливая Люсиль принесла какой-то успокоительный отвар. Столько тонкостей! Куда девать веер, какой рукой брать тарелку, куда класть салфетку, как приветствовать пожилых дам – во всем здесь были свои особенности.

Но какое счастье, что Летиция послушала свою кузину и приняла во внимание все местные традиции! Кое-какие огрехи вроде слишком яркого цвета платья, конечно, оказались замечены, но их Летиции снисходительно простили. А в остальном промахов у неё не оказалось. И судя по тому нарочито-безразличному выражению лиц, которое стремились изобразить дамы, глядя на новенькую, Летиция поняла – выглядит она хорошо. И судя по выражениям лиц мужчин – даже очень.

Она вспомнила напутствия мадам Мормонтель о том, что в незнакомом обществе надлежит вести себя скромно, но с достоинством, не изображать недотрогу, но и не позволять лишнего, не лезть с разговорами, а лишь поддерживать лёгкую беседу...

Наставления бабушки по этикету содержали, наверное, страниц триста, но сейчас Летиция разом вспомнила их все и стала вести себя так, что мадам Мормонтель наверняка поставила бы ей высший балл. Пусть не думают, что она бедная родственница-полукровка, да и к тому же не знающая правил поведения в обществе. По части образования и манер бабушка Мормонтель могла бы дать фору придворным дамам самой королевы.

– ...да, очень красивый город, – отвечала Летиция на очередной вопрос очередной дамы о том, как она находит Альбервилль. – Такая удивительная архитектура, такое смешение стилей, такие краски...

– ...жара? Нет, я совсем от неё не страдаю. Но я родом из этих мест – наверное, я всё-таки привычна к ней больше, чем думала...

– ...о да, я очень люблю кофе! Вы знаете, в Старом Свете его совершенно не умеют делать...

– ...согласна, этот соус придаёт мясу потрясающий вкус...

– ...я не считаю, что справедливо наказывать тех, кто не имеет права за себя постоять...

– ...не думаю, что одно только то, что ребёнок родился у рабыни, делает его рабом, в этом есть что-то, противное Богу...

Летиция не сразу поняла, что в её ситуации безупречные манеры – это, кажется, не очень хорошо. Вернее, даже плохо. Будь она проще, допусти пару ошибок и нелепостей, урони, наконец, соус на платье, все бы выдохнули со словами «Так мы и думали!» и успокоились бы. Но она своими безупречными манерами словно бросила вызов всем дамам альбервилльского общества, которые разом потеряли часть внимания своих мужчин. И лишь когда Жильбер Фрессон – сын хозяина дома, забросив разговоры с дядей Готье, устроился в кресле рядом и принялся подробно расспрашивать её о Старом Свете и взглядах на рабство, она поняла, что, кажется, перегнула палку и с этикетом, и с наведением красоты.

О-ля-ля! А ведь бабушка просила не выделяться! Сидеть тише воды, ниже травы. Ну вот, посидела...

И ещё ей, конечно, следовало бы попридержаться язык. Потому что сложенные на коленях руки в тонких прозрачных нитяных перчатках и безупречная осанка, скромный взгляд и улыбка вежливости вместе со словами благодарности за поданую тарелку, и кокетливая вуалетка, и сетка, что стягивала непокорные волосы – всё это на фоне тех слов, что она говорила, было словно красная тряпка, какой дразнят быка. И мужчины альбервилльского общества, разумеется, не могли не принять этот вызов. Потому что никакой скромной позой не могла она скрыть того, что видели они в её глазах.

– Вы, может, аболиционистка?¹³ – возмущённо спросила дама с буклями, ковыряя на тарелке салатные листья.

– Простите, мадам, но я не знаю, кто это или что это, – ответила Летиция как можно более почтительно.

– В Старом Свете все поголовно аболиционисты. Они думают, что сахар растёт на деревьях и падает оттуда прямо в мешки! – возмутилась другая дама с розовым фаншоном¹⁴ на голове, напоминая взбитые сливки на свадебном торте.

– И сам собой ещё заворачивается в папиросную бумагу! – поддакнула другая пожилая дама в лиловом шёлке.

– Молодёжь, как побывает в Старом Свете, так приезжает оттуда с этими дурными идеями! – дама в розовом фаншоне недовольно отставила тарелку. – А вы что скажете, мсье Жильбер? Вы же сами учились в Старом Свете.

– Знаете, мадам Армонт, у моего отца, к счастью, нет рабов, но если бы они были, то в этом вопросе я солидарен с мадмуазель Бернар – это не гуманно. Что мешает нам нанимать работников так же, как это делают в Старом Свете? И платить им за работу? – ответил Жильбер Фрессон и при этом ободряюще улыбнулся Летиции.

И, наверное, эту поддержку можно было бы считать данью вежливости, ведь Жильбер – сын хозяина, которому по традиции следовало примирять позиции всех гостей, чтобы праздник проходил непринуждённо. Но только в его улыбке слишком уж много было теплоты, и сидел он совсем рядом, а голубые глаза откровенно любовались лицом Летиции. Он то подавал тарелку, то салфетку, то зонтик поправлял, и лишь когда Летиция перехватила полный ненависти взгляд Аннет Бернар, то поняла, что кажется, за один вечер нарушила все заветы бабушки и нажила себе смертельного врага.

– Платить нёрам? Как можно? – мадам Армонт так и замерла с ложкой в руке. – Мсье Жильбер, у меня такое даже в голове не укладывается!

И в подтверждение этих слов она мелко потрясла головой, отчего её фаншон затрепыхался совсем, как уши у спаниеля.

Конечно, внимание хозяина дома Летиции было приятно, но не более того. Жильбер Фрессон был «слишком слащав», как выразилась бы бабушка. Ведь по мнению мадам Мормонтель, мужчина должен быть чуть красивее лошади, иначе – жди беды. А мсье Жильбер был красив: правильные черты лица, голубые глаза, русые волосы и губы с чувственным изгибом, такие, на которые хочется смотреть, думая о всяких неподобающих вещах...

Он был одет со вкусом и безупречно вежлив, и он слишком похож был на Антуана Морье – её покойного мужа. А с того момента, как в их дом постучала полиция с дурными вестями, Летиция перестала верить «слащавым мужчинам», более того – таких мужчин она теперь старалась всеми силами избегать. Но как избежать внимания хозяина дома? Особенно, если она ему понравилась?

А она ему понравилась.

– Вы позволите, – мсье Жильбер придержал стул, когда Летиция собралась уходить. Гости постепенно разъезжались, и пришло время прощаться. – Я ещё хотел бы познакомить вас с дедушкой.

И хотя Летиция не горела желанием знакомиться с родственниками жениха своей кузины, но отказывать в такой ситуации было бы очень невежливо.

Рауль Фрессон показался Летиции крайне неприятным человеком. Высокий и худой, в чёрной шляпе, которую он не считал нужным снимать даже в присутствии дам, он стоял, прислонившись к столбику беседки, и рассматривал гостью внимательно и оценивающе, совсем

¹³ Аболиционизм – движение за отмену рабства и освобождение рабов.

¹⁴ Фаншон – женский головной убор из тюля, кисеи и кружев.

как скаковую лошадь. Или как рабыню, выставленную на продажу. Измождённое, жёлчное лицо старшего Фрессона покрывала седая щетина, но в то же время он совсем не выглядел стариком, а, скорее, человеком, с которым лучше не встречаться на тёмной улице.

Он пропустил мимо ушей рассказ внука о приезде Летиции из Старого Света, а спросил напрямик, как ей показалось, с какой-то странной насмешкой в голосе:

– Так, выходит, ты – дочка Жюльена? Хотя похожа, да... А я слышал от Готье, что ты померла от лихорадки в тот год. А ты, значит, живучая...

На этом смотрины закончились – Рауль Фрессон развернулся и, не прощаясь, ушёл.

Жильбер проводил гостью до коляски. Поцеловав руку и чуть удержал в своей, спрашивая, посетит ли Летиция ежегодный бал. И его взгляд, и тихий голос, и то, как он склонился к ней всякий раз, словно хотел расслышать, что она говорит, хоть со слухом у него и было всё в порядке – всё это говорило только об одном: он совершенно ею очарован. А поодаль стояла Аннет Бернар, с серым лицом, и делала вид, что очень занята увлекательным разговором с мадам Армонт.

Летиция представила, что её ждёт по возвращении в дом Бернаров, и отрицательно покачала головой. Сослалась на занятость и необходимость уехать на плантацию и всеми силами избегала смотреть Жильберу в глаза. Но он всё же поймал её взгляд, уже когда она села в коляску, и, видимо как-то иначе истолковав её смущение, улыбнулся.

Ну что за беда! Вот же навязался на её голову! Зачем только она сюда поехала!

Домой они с Аннет возвращались в гробовом молчании, и, наскоро попрощавшись, Летиция поднялась к себе.

Ну что за муха её укусила болтать о несправедливости рабства! Стоило бы сидеть помалкивать, да восторгаться домом Фрессонов или скатертями на столе!

Но история с поркой слуг в доме дяди Готье задела её за живое. Да и откуда ей было знать, что Жильбер Фрессон – гуманист и сторонник отмены рабства?

Вот правильно говорила ей бабушка: язык – твой враг, Летиция!

Она заперла дверь на засов, задула свечу и долго лежала, прислушиваясь, не попытается ли кто войти. Но было тихо. Потом помолилась мысленно и пришла к выводу, что, наверное, ей лучше как можно быстрее отплыть на плантацию, что бы там ни говорил дядя. Стать врагом Аннет Бернар – совсем ей это ни к чему. И этот «слащавый» Фрессон с его ухаживаниями даром ей не нужен.

И, кажется, впервые она была по-настоящему согласна с бабушкой в таком вопросе.

Этой ночью она спала крепко, её не тревожили странные сновидения, и поутру на полу не было никаких глаз из кукурузной муки. И Летиция подумала – прошлый рисунок, видимо, был просто дурацкой шуткой. Может быть, даже подстроенной руками Аннет.

Глава 5. Бутылка рома, чёрный петух, пять сигар и стручков ванили

– Папá! Да она же просто... просто... сучка! – выпалила Аннет.

Вся покрытая красными пятнами, она тихо рыдала в кабинете отца.

– Святой Луи! Аннет! Да разве можно так выражаться! – воскликнул Готье, но скорее по привычке, а не потому, что хотел одёрнуть дочь.

Сам он, нахмутив лоб, мерил шагами комнату из угла в угол, слушая рассказ Аннет о том, как за каких-то пару часов та почти лишилась жениха усилиями своей новообретённой кузины.

– ...и она... она ещё и говорила со мной, – Аннет давилась слезами, – как ни в чём не бывало! А я ведь помогала ей... Советы давала! Отправь её на плантацию, папá! Пусть едет на болота, с глаз долой! Зачем ты вообще оставил её здесь?

– Хватит! – Готье взял дочь за плечи. – Перестань рыдать!

– Вышвырни её! Пусть проваливает к деду, пусть там её лихорадка сожрёт!

– Успокойся! – Готье достал платок и протянул его дочери. – Я придумаю, как избавиться от неё, но в наших же интересах, чтобы она не попала на плантацию как можно дольше.

– Зачем? Пусть катится к аллигаторам! Платья ей покупаешь! А она же... Она же – просто дрянь!

С этим Готье как раз был согласен, но дочь следовало успокоить – как бы её истерика совсем всё не испортила.

– Присядь, Аннет, – он подтолкнул дочь к стулу, плеснул из графина воды в стакан и протянул ей, – вот, возьми, выпей и успокойся. Слезам тут ничего не решишь. Ты же у меня разумная девушка? А теперь послушай...

Готье присел в кресло рядом, закинул ногу на ногу и, сцепив пальцы, обхватил колено. Он смотрел задумчиво в тёмное окно, за которым среди седых нитей ведьминых волос, свисавших с ветвей старого дуба, мелькали редкие пока ещё светлячки. Вскоре нарастающая летняя жара пригонит сюда целые стаи этих насекомых, призрачным сиянием озаряющих леса и болота в долине Арбонны.

Аннет выпила воды и плакать перестала. Прикладывая к щекам батистовый платок, спросила, внимательно глядя на отца:

– Почему нужно, чтобы она не попала на плантацию?

– Я тебе объясню, но ты должна держать язык за зубами. Надеюсь, ты понимаешь, что это в наших общих интересах? – ответил Готье, переводя взгляд на дочь.

Аннет умна – вся в него, и лишнего болтать не станет.

– Мы с твоей мамой не говорили тебе этого, но твой дед, будь он не ладен, совсем спятил. Написал новое завещание, в котором отдаёт Летиции Бернар большую часть своего имущества, – Готье вздохнул и добавил тише: – А точнее сказать – он отдаёт ей всё. Всю плантацию «Утиный остров».

– Что? Да как же можно! – рот Аннет округлился. – Почему ты не сказал! Да я её теперь ненавижу ещё больше!

– Я не хотел никого расстраивать раньше времени... Но! – Готье поднял палец вверх. – В его завещании есть одна юридическая тонкость – там написано, что Летиция должна обязательно явиться к нему сама, и произойти это должно до его смерти. Понимаешь? Если это условие не будет исполнено, то завещание можно опротестовать. Его честь – судья Джером – меня в этом вопросе поддержит, и тогда плантацию как минимум поделят на всех наследников поровну.

– И мы что же, отдадим ей половину? – возмущённо спросила Аннет.

– Не половину, а третью часть – ты забываешь про дядю Аллена. Но сейчас-то ей вообще придётся отдать всё, – криво усмехнулся Готье.

– И она об этом знает? – Аннет от возмущения даже икнула.

– Нет, она не знает. Она думает, что наследует просто ферму на полуострове, кусок земли и полсотни рабов. Я сам диктовал письмо помощнику нотариуса и заплатил ему, чтобы тот не послал ей копию завещания. Хорошо, что Жак Перье уже стар и сам больше не пишет бумаг.

– Но, папá! Она что же, может вот так запросто забрать у нас всё? – в голосе Аннет послышались нотки ужаса.

– Не волнуйся, ничего она не заберёт. Я уже придумал, как оставить всё наследство в наших руках. И я знаю, как сделать так, чтобы Жильбер Фрессон перестал интересоваться твоей кузиной в качестве потенциальной невесты.

– И как? – Аннет отставила стакан и впилась глазами в отца.

– Я рассказать тебе пока не могу. Но вот ты помочь мне можешь.

– Чем? Я всё сделаю, лишь бы избавиться от этой дряни! – с готовностью ответила Аннет, вытирая остатки слёз.

– Ты должна усмирить свой гнев и стать ей лучшей подругой. Ездить с ней по магазинам, в оперу, на балы, и постараться задержать её тут, в городе, как можно дольше. Сделай вид, что тебе безразличен Жильбер Фрессон, и даже похвали её за такой выбор – поверь, скоро он сам от неё отвернётся.

– Но, папá! Я что, должна потакать этой дряни?

– Ты должна быть хитрее, Аннет. Чему я тебя учил? Чему тебя учила мама? Никто не должен видеть на наших лицах то, о чём мы думаем на самом деле. Ты должна стать для Летиции лучшей кузиной и удержать её в Альбервилле на неделю, а лучше – на две. Вот и всё, что нужно. Своди её в оперу, покупай наряды, готовься к балу. Ты же сможешь справиться с этим простым делом? – Готье понизил голос и чуть подался вперёд.

– Да! – энергично закивала Аннет.

– И всё рассказывай мне. Где она бывает, о чём говорит. А ещё заведи от неё Люсиль. Я пришлю ей другую служанку. И помни: ни в коем случае нельзя говорить ей о том, что дед Анри переписал своё завещание – она должна думать, что ей достанется только ферма. Можешь рассказывать ей о том, как там ужасно, о комарах, лихорадке, аллигаторах и лихих людях на болотах. И что именно поэтому мы редко там бываем. А теперь иди, умойся и больше не давай воли чувствам, пока она здесь. И не забудь: от того, как хорошо ты умеешь держать себя в руках, зависит твоё... и наше общее будущее.

– Я всё сделаю, папá! – с готовностью кивнула Аннет.

Когда она ушла, Готье послал за сыном. Филипп только что вернулся и ввалился в кабинет отца шумно, принеся с собой запах лошадиного пота и азарта – он снова был на скачках. Суаре у Фрессонов он предпочёл более весёлое времяпрепровождение. Выслушав рассказ отца о злоключениях несчастной Аннет, Филипп только фыркнул:

– Ну а чего ты хочешь! У кузины Летиции уж точно более аппетитные формы, чем у моей сестры, а Фрессон не слепой, да и не дурак...

– Ты у меня дурак, прости, Отец наш небесный! – разозлился Готье. – Ты что, не видишь, к чему всё идёт?

Что ни говори, а его сына Бог обделил умом, именно поэтому любимицей Готье Бернара всегда была Аннет.

– Ну а чего ты хочешь от меня? – пожал плечами Филипп. – Чтобы я утопил деда в болоте?

– Разумеется, нет, – ответил Готье, но как-то не слишком возмущённо, будто всем своим видом давал понять, что такой вариант его бы тоже устроил.

– Тогда чего? – Филипп принялся стягивать сапоги.

– Я хочу, чтобы ты приударил за Летицией. А если всё уж совсем плохо обернётся, то тебе придётся на ней жениться.

– Что? Жениться на полукровке? – воскликнул Филипп удивлённо, застыв с сапогом в руке. – Пфф! Одно дело – пассия, другое – жена, и у меня вообще-то есть невеста, или ты забыл?

Готье скрестил руки на груди, глядя на сына сверху вниз, и произнёс, вложив в голос весь свой сарказм:

– А как долго твоя невеста останется твоей, когда узнает, что наши доходы от плантации благополучно уплыли в руки этой полукровки? А оттуда – в руки Жильбера Фрессона? – он наклонился вперёд, очевидно, для того, чтобы сын лучше расслышал. – И вы с сестрой враз станете бедными родственниками вашей кузины. Ты об этом не подумал? Но, если ты женишься на Летиции, то всё перейдёт к тебе, как к её мужу. Надеюсь, это понятно?

– А моя невеста? Это же будет скандал...

– Скандал – это меньшее зло, Филипп. Спешут всё на внезапно вспыхнувшую страсть, что и неудивительно, учитывая происхождение твоей кузины, – Готье усмехнулся и прищурился. – Тебе же не сложно изобразить страстное увлечение? Кузина недурна, не думаю, что это будет трудно.

– Ну, она весьма недурна, я бы сказал даже больше, – ответил Филипп, усмехнувшись в ответ. – И я совсем не против за ней приударить, но она такая скромница.

– Думаю, скромность её показная. Помня, каким был её папаша – я уверен, что это так. Очень уж она на него похожа. И было бы хорошо, если бы ты смог её скомпрометировать, – добавил Готье, задумчиво глядя в окно, – чтобы Фрессон перестал рассматривать её всерьёз. Всё-таки они дорожат репутацией.

– Скомпрометировать? – Филипп отбросил сапоги в угол. – Насколько сильно скомпрометировать?

– Ну, насколько сможешь. Не оставь ей вариантов. Надеюсь, то, что она красива, и вы живёте под одной крышей, послужит твоей легенде. Только прошу: без дуэлей и глупых споров, и не испорти отношений с Жильбером Фрессоном. Если бы ты смог влюбить в себя кузину, да так, чтобы обошлось без лишней драмы, то это был бы идеальный вариант. Она потеряла жениха, год ходила в трауре – твоё внимание и сочувствие сейчас были бы очень кстати. Ты хорош собой и умеешь красиво ухаживать за женщинами. Ну так прояви себя. Сделай так, чтобы она и думать забыла о поездке на плантацию. Это же ты сможешь?

– Хорошо, я приударю за кузиной, – ответил Филипп, забрасывая ноги на соседнее кресло, – но вот насчёт того, чтобы жениться на полукровке – этого мне точно не нужно. Я лучше пристрелю старого пирата, да и вся недолга!

– Или он пристрелит тебя! Или его чёрные головорезы выпустят тебе кишки! – зло воскликнул Готье. – Ты забыл, что ему хоть и под семьдесят, а стреляет-то он получше тебя! Или ты думаешь, пиратом его зовут только за то, что он ходит по плантации в треуголке? От тебя требуется немного – просто отвлеки кузину от этого мальчишки Фрессона и вскружи ей голову.

Когда Филипп ушёл, Готье Бернар взял карандаш и подошёл к пробковой доске, на которой висела карта, расчерченная квадратами плантаций. Он смотрел некоторое время на извилистую линию Арбонны, а потом со злостью воткнул карандаш в карту так, что он вошёл в пробковую доску прямо посреди плантации Анри Бернара.

* * *

Всю ночь Аннет ворочалась в кровати, обдумывая так и эдак слова отца, и понимала только одно: если она будет удерживать кузину здесь, как он просил, то точно лишится жениха. Ведь за одну только встречу на суаре эта мерзавка Летиция успела так очаровать Жильбера,

что он даже попрощаться забыл с Аннет! Но если кузина отправится на плантацию, то в итоге Аннет лишится денег. И оба эти варианта её не устраивали. Отец, конечно, по-своему прав, но он не понимает главного – у неё нет двух недель в запасе, чтобы водить эту дрянь в оперу и на балы. И даже одной недели нет.

Отец просто не видел, как Жильбер Фрессон смотрел на эту мерзавку, и как эта дрянь смотрела на него – точно играла с ним, как кошка с мышью. Лицемерка! Подлая тварь! Но Аннет ей не удастся обмануть своей ложной скромностью и сложенными на коленях ручками! Только, если всё это продолжится, и эта дрянь попадёт на бал...

Ох, нет! Только не бал! Неужели он пойдёт с ней на бал?!

От этой мысли она даже села в кровати.

Последний весенний бал – закрытие сезона. После наступает жара и альбервилльское общество, как стая бабочек, разлетится кто куда. Кто-то поедет в Старый Свет, кто-то на север, кто-то в загородные поместья или на плантации, и город опустеет. Влажное дыхание океана и штормы вместе с душливой жарой сделают пребывание в Альбервилле невыносимым – какие уж тут балы! Но именно на этот последний бал в сезоне Аннет возлагала свои самые большие надежды, связанные с Жильбером Фрессоном. А уж на карнавале она рассчитывала и вовсе сопровождать его в парном костюме в качестве невесты. И свадьба состоялась бы осенью...

Аннет и представить не могла, что в одночасье может лишиться всего разом – и жениха, и денег! Нет, она не будет ждать, пока папá придумает способ избавиться от этой дряни, ей нужно действовать самой. И как можно быстрее.

Она столько раз представляла себя хозяйкой поместья Фрессонов! Как она проводит в их саду суаре, как сидит в их гостиной, обставленной изящной белой мебелью, как прекрасно они будут смотреться с Жильбером в паре... Но теперь всё рушилось прямо на глазах, и перед этим обстоятельством её рассудок отступал, а наставления отца уходили куда-то на задний план.

Аннет поспала совсем немного, вскочила, едва ночь окрасилась в серый и над верхушками банановых деревьев заалела полоса восхода. Она придумала свой план, который не противоречил тому, что задумал папá, а даже, наоборот, помогал. Но для его осуществления ей кое-что понадобится, и Аннет принялась рыться в ящике стола.

Прекрасно!

Пуговица, носовой платок, лента для волос... и деньги. Она ссыпала в кошелёк пятьдесят экю – вся её сумма наличных, что удалось накопить, не вызывая вопросов отца. Что же, это как раз тот случай, когда придётся платить наличными.

Едва солнце показалось над деревьями, она кликнула служанку и, наспех проглотив завтрак, поехала в город. Отец спозаранку отправился в контору. Филиппа, к счастью, тоже нигде не было видно: наверное, он спал, и, скорее всего, как обычно, будет спать до полудня. Это было хорошо, потому что цель своей поездки Аннет собиралась сохранить в тайне.

Коляску с кучером она оставила за углом на рю Омбре – не стоит слугам знать, куда она ездила. И, пройдя квартал, свернула на рю Верте, оглянувшись несколько раз, рассматривая редких пока прохожих – не хватало ещё встретить тут каких-нибудь знакомых.

Нет, конечно, сюда ходят благородные дамы, вернее, даже в основном они сюда и ходят, но ни одна из них не станет афишировать этот факт. Не увидев никого, кроме нескольких ньор, спешивших с корзинами на рынок, Аннет быстро потянула за ручку дверь с синим глазом и нырнула в лавку мадам Лафайетт.

Внутри было темно, пахло остро и терпко – смесью специй и трав. Кто такая мадам Лафайетт – история умалчивала, а лавкой владела ньора из вольноотпущенных, и уж точно никакая она была не мадам. Нынешнюю хозяйку звали Мария. Впрочем, имя, скорее всего, было ненастоящее. Как и облики святых, вырезанные на акациевых досках, что занимали центральную полку прямо напротив двери. Официально лавка торговала травами от колик, при-

тирками от укусов гнуса, нюхательными солями, мылом, ароматным маслом и другими мелочами, так необходимыми каждой женщине в хозяйстве.

А вот неофициально...

– Что понадобилось муасель в такой ранний час? – хозяйка поднялась из-за прилавка – женщина вполне аппетитных форм и неопределённого возраста.

Она была квартиронкой, и, видимо, довольно красивой в молодости, потому что следы этой красоты время до сих пор ещё не стёрло с её лица.

Несмотря на то, что Мария была вольной, она всё равно носила тийон, причем, необъятных размеров. Казалось, на голову намотано не меньше двух туасов оранжево-зелёного шёлка, и носила она его с достоинством, будто гордилась. Она степенно выплыла из темноты, обойдя потёртый деревянный прилавок, и принялась неспешно переставлять на полке бутылочки, давая возможность посетительнице побороть своё смущение.

– Я слышала, вы продаёте разные... средства, – осторожно произнесла Аннет, пытаясь подобрать правильное слово.

– Я много чего продаю, – уклончиво ответила Мария, – что именно ищет муасель? Что хочет она облегчить «средством»: жизнь или... смерть?

Аннет растерялась. Вопрос хоть и был завуалированным, но от этого не становился менее страшным. Но отступать она не собиралась. От этого «средства» зависит её будущее – какие тут ещё могут быть сомнения? И, набрав в грудь побольше воздуха, Аннет произнесла тихо, почти шёпотом:

– Мне нужно сделать так, чтобы один мужчина перестал интересоваться одной женщиной. И чтобы она... тоже.

– Соперница? – Мария повернулась и прищурилась.

Гагатовые бусы на шее Марии, повторявшие цвет её глаз, чуть блеснули, будто подмигнули Аннет, понимая. Или ей это только показалось? Она кивнула в ответ – под пронизывающим взглядом этих глаз ей было очень неудобно.

– Что ты хочешь, чтобы с ней случилось? – спокойно спросила ньора, продолжая разглядывать Аннет.

– Я не знаю...

У неё как-то разом пересохло в горле.

И зачем только она сюда пришла! Глупая это была затея!

Хотя нет, не глупая...

– Не знаешь? – усмехнулась Мария. – Знаешь, девочка, знаешь... А знаешь ли ты, что за её жизнь полагается плата?

– Сколько? – глухо спросила Аннет.

– Пятьдесят экю мне, но это лишь за то, что я спрошу об этом у великого Эве. А ему полагается в оплату кое-что совсем другое...

– И что нужно... великому Эве? – голос у Аннет совсем охрип.

– Может, часть твоей жизни, а может, ещё чьей, а может, и вся... Уж как он прикажет. Ты готова принести что-то подобное взамен?

Аннет испугалась не на шутку. Забрать чью-то жизнь – да ей же потом гореть в адском пламени до скончания веков! Да, если кто узнает, что она сюда пришла и такое просила, ей откажут даже в том, чтобы ступить на порог Храма, не то что в прощении!

– Я... я... мне не нужна её жизнь. Я хочу, чтобы она просто исчезла куда-нибудь! Чтобы уехала! Увлеклась другим мужчиной, влюбилась без памяти, бросила всё и сбежала с ним! Хоть на край света! – выпалила Аннет, покрываясь холодным потом.

– Увлеклась другим мужчиной? И уехала отсюда? – Мария тронула подбородок и, плавно качнув пышными юбками, зашла за прилавок. – Это проще...

– И чтобы Жильбер её забыл, – добавила Аннет уже тише.

– Что же, за это тоже полагается плата, хоть и меньшая.

– Какая? – Аннет стиснула в пальцах ридикюль.

– Десять экю за неё, десять экю за него, десять экю за того, кому её отдаст великий Эве. Это за мою к нему просьбу, – Мария сделала паузу, положила ладони на выщербленную поверхность прилавка, и на её мизинцах кольца с гагатом будто налились молочно-белым светом, а может, это просто отразилось от стёкол восходящее солнце...

– А ещё, девочка, всё, что забираешь у неё, должно вернуться в другом месте. У великого Эве всё в этом мире всегда в равновесии. Как зовут твою соперницу?

– Летиция, – Аннет сглотнула, едва не подавившись буквой «ц».

– Мне нужно будет что-то из того, к чему она прикасалась.

– Вот, – Аннет развернула носовой платок.

Внутри лежала пуговица. Вчера, во время примерки платьев, она оторвалась у Летиции от рукава, и Аннет её подобрала, а отдать забыла. И вот теперь она оказалась так кстати!

– Как зовут того, от кого её нужно отвести? – Мария покатала пуговицу между пальцами.

– Жильбер.

– Мне нужна и его вещь. И ещё твоя вещь.

Аннет достала носовой платок, не так давно Жильбер обернул им стебли цветов, которые дарил ей. А из своих вещей протянула ленту для волос.

– Жди здесь.

Мария ушла за перегородку, отделявшую лавку от другого помещения. Аннет, наконец, выдохнула и принялась разглядывать полки, уставленные склянками и бутылочками. На стенах висели пучки трав и луковицы, заплетённые в косичку, а в половинках кокосового ореха лежало манговое мыло. Лавка Марии выглядела не так уж страшно, если не знать, что всё это лишь фасад...

Но страх понемногу уходил, и к Аннет возвращалась уверенность – она всё делает правильно. Она вернёт всё в их семье на свои места.

Из-за перегородки доносилось невнятное бормотание, возня и шипение, словно на раскалённой сковородке жарили мокрого угря. Потянуло дымом, запах жжёных перьев и ткани смешался с густым ароматом расплавленной колофонской смолы и тины.

Ждать пришлось долго. Наконец, Мария вышла из-за перегородки и поставила перед Аннет четыре бутылочки: две белого стекла, две – зелёного.

– В этой, – Мария подвинула пальцем бутылочку белого стекла, повязанную синей ниткой, – то, что вызывает любовь и страсть. С синей ниткой – для соперницы, с красной – для тебя. Ты должна выбрать мужчину для своей соперницы и налить ему немного. И ей. А из этой бутылочки – тому, кого выбрала ты, этому Жильберу.

Аннет схватила обе бутылочки и спешно сунула в ридикюль.

– А вот в этих, – Мария подвинула оставшиеся бутылочки, – плата великому Эве, чтобы вернуть в этот мир равновесие. Это должен выпить тот, кто потом будет ненавидеть тебя и твою соперницу – такова плата за вынужденную любовь. И мой тебе совет: для себя выбирай того, кто не сможет причинить тебе большого зла. Пусть это будет кто-то, кому недолго осталось жить. Ведь сколь велика будет сила любви, рождённой этим напитком, столь велика и ненависть.

Эту часть наставлений Аннет слушала вполуха. Вот уж по части ненависти у неё никаких вопросов не было. Это было даже лучше, чем она могла предположить. Летиция Бернар понятия не имеет, что и без этих капель есть те, кто ненавидят Бернаров больше всех на свете – семья Дюран. Так вот куда стоит направить их ненависть – на новую наследницу поместья Утинный остров. А с этими каплями Дюраны просто сотрут её в порошок, и следа не останется. Уж Аннет знала, какой бешеный у них нрав. Так что всё сложится само собой, и руки Аннет Бернар останутся чисты, и не гореть ей в адском пламени...

Одним выстрелом она убьёт сразу двух зайцев. Ну а свои капли она подольёт кому-нибудь в приюте Святых Агнцев – там полно умирающих старых ньоров, от которых отказались хозяева. Осталось только придумать, как воплотить этот план в жизнь.

– Что я вам должна? – спросила она, доставая шёлковый кошелек с монограммой.

– Двадцать экую. И ещё: принесёшь бутылку рома, чёрного петуха, пять сигар и стручков ванили. Завтра, на кладбище Святого Луи, на закате. Жди у северной стены – я выйду. Или всё превратится просто в воду.

– А... гарантия? – спросила вконец осмелевшая Аннет.

– Гарантия? – Мария непонимающе прищурилась.

– Ну, это всё точно... произойдёт?

– Пфф! Это решать Великому Эве, девочка. А духам надо понравиться. Выбирай им подарки от души. Да не поскупись: принеси ром получше, сигары покрепче, да петуха побойчее – глядишь, духи и оценят твоё подношение, и будет тебе гарантия, – усмехнулась Мария.

Глава 6. День неправильных поступков

Эдгар вышел из дома семейства Лаваль в Альбервилле и сел в коляску. Устало окинул взглядом улицу: разноцветное кружево ажурных балконных решёток и яркие краски фасадов. Весна в городе медленно уступала лету, и магнолии вдоль рю Гюар уже опали бело-розовым дождём. Даже не дождём – снегом, казалось, улица усыпана им, совсем как на севере, на его родине... Впрочем, нет, родина-то у него здесь.

Он родился в Альбервилле и лет до одиннадцати, пока был жив дед Гаспар, проводил на плантации много времени. Отец с матерью сильно не ладили, и дед частенько забирал внука к себе. Потом он умер, Эветт увезла сына на север, а отец вернулся в поместье.

Возница с наслаждением курил сигару, терпеливо ожидая, пока Эдгар выйдет из задумчивости и скажет, куда ехать дальше.

– К Фрессонам. В банк. Трогай, – произнёс он, наконец, доставая из внутреннего кармана рекомендательные письма к банкиру.

Эдгар только что сделал предложение Флёр, и теперь она официально стала его невестой. Хотя нет – положено ещё провести торжество в честь помолвки, но это уже просто формальность. Жак Лаваль – её отец – так растрогался, что даже позволил им остаться ненадолго наедине и подмигнул Эдгару – не теряйся, поцелуй невесту! И невеста была не против, даже наоборот – она так призывно смотрела ему в глаза, так тихо отвечала, вынуждая его склоняться, чтобы расслышать и быть к ней как можно ближе, желая удостовериться, что вот это кольцо на её пальце – реальность.

Он и поцеловал...

А сейчас ощущение у него было такое, будто он сам посадил себя в клетку, а ключи выбросил в море. Может, это ошибка – жениться на ней? Почему где-то в глубине души он был уверен, что отсутствие чувств между ними – гарантия от новой боли? И что безразличие к этой женщине и её безразличие к нему позволят им мирно сосуществовать вместе, занимаясь каждому своими делами?

Но тогда почему от поцелуя осталось такое тягостное ощущение, словно целовал он гуттаперчевую куклу? Куклу, наряженную в васильковый шёлк, с белоснежными локонами и румянами на щеках. Может, потому, что он помнил когда-то совсем иные ощущения от поцелуя? И скучал по ним.

Оказывается, сильно скучал...

А губы Флёр казались безжизненными и холодными, а тело под его пальцами, стянутое специально надетым для помолвки атласным корсажем, – чужим и жёстким, словно высохшая волчья кожа. Невеста призывно подставила губы для поцелуя... именно – подставила: не отозвалась, не дрогнула, даже не вздохнула, ледышка – ледышкой, словно он был святым отцом или она – мученицей.

И то, что ему сейчас захотелось вернуть те ощущения от поцелуя, что он помнил с тех пор, когда ещё мог чувствовать – сейчас это желание отозвалось болью в сердце и горечью во рту, и, порывисто вытерев рукой губы, он криво усмехнулся собственной глупости. Не думал он, что вот это и будет самым сложным – жить рядом с безразличной ему женщиной, замечая в ней только то, что не нравится: как она ходит, как смеётся, как зовёт его по имени...

Флёр красива и холодна, как кусок мраморного надгробия, и нет в ней ни капли нежности или страсти, и пылает жаром она только тогда, когда кричит в гневе на служанок или лупит их кнутом. Но не эту страсть Эдгару хотелось бы видеть в жене. Не говоря уже о нежности.

Он посмотрел на письма, адресованные банкиру Клоду Фрессону, потёр лоб и усилием воли заставил себя перестать думать о Флёр. У него сейчас другие заботы: надо решить с банкиром вопрос снижения процентной ставки и добиться большей отсрочки первого взноса, чтобы

платить пришлось, когда урожай будет распродан. А ещё надо предоставить гарантии выплат: сколько туасов земли засажено в этом году, сколько рабов на плантации, и не забыть купить детали для пресса и сахароварни.

Его дяди и кузены, похоже, позволяли ходить по поместью всем подряд, и не мудрено, что всё сломалось, а что-то украли. Хотя его мать утверждала, что это дело рук проклятых Бернаров. В их семье считалось, что источником любых неприятностей всегда являются соседи.

Может, и так. Семейная вражда между Дюранами и Бернарами продолжалась не одно десятилетие, даром, что плантации находились поблизости. Из-за чего всё началось – Эдгар не знал, да и никто не знал – эту тайну его дед Гаспар унёс с собой в могилу. Но случаев порчи имущества друг друга, убийства ньюров и перестрелок между членами враждующих семей было не счесть.

Помнится, дед Гаспар таскал внука с собой, чтобы посидеть в засаде на болотах, в надежде, что сосед явится на их участок. Однажды Анри и впрямь явился, уж неизвестно зачем, и Гаспар в тот раз стрелял по нему дробью, но не попал. В отместку старый Бернар поджёг сухой тростник, что лежал между их участками на границе с поместьем Лаваль, а чем закончилось противостояние, Эдгар так и не узнал – началась эпидемия лихорадки, и его спешно отправили на север.

Возница осадил лошадь, коляска дёрнулась и остановилась у банка, выдернув Эдгара из паутины воспоминаний.

Его встретил сам Клод Фрессон – невысокий пожилой мужчина в серой паре и белой рубашке, рукава которой до локтя закрывали нарукавники. Он был сдержанно-радушен, снял пенсне и крепко пожал руку, а затем внимательно прочёл письмо от мсье Лаваль и те бумаги по кредиту, что подписала Эвett.

– Значит, это вы – будущий зять моего друга? – спросил банкир с вежливой улыбкой и тут же велел принести кофе и бурбон. – Это... неожиданно... весьма. Вы ведь здесь совсем недавно? И уже помолвка...

– Что поделать, мсье Фрессон, любовь всегда приходит неожиданно, – развёл руками Эдгар.

В словах банкира ему почудилось какое-то разочарование, словно его помолвка стала для него неприятной новостью.

– Что же, я рад за Флёр. Очень рад! – он натянуто улыбнулся. – И, пользуясь случаем, хочу пригласить вас с вашей невестой в «Белый пеликан» – в этом году заключительный бал сезона организуют моя жена и её благотворительное общество. Мы рады будем видеть вас там. К тому моменту как раз, я полагаю, правление рассмотрит ваш вопрос, и я приложу максимум усилий, чтобы он решился положительно. Учитывая объединение ваших капиталов, думаю, всё пройдёт гладко. С таким поручителем, как мсье Лаваль, я уверен, члены правления поддержат моё предложение о снижении процентной ставки и отсрочке выплаты по договору. Чудес обещать не буду, но в разумных пределах...

– Благодарю вас, мсье Фрессон, – Эдгар чуть кивнул.

– Как идут дела на плантации? Я слышал, бедняга Венсан совсем плох, – осторожно поинтересовался банкир.

Эдгар пожал плечами. Что сказать, его дядя Венсан сошёл с ума – это уже факт. И дошло до того, что он застрелил одну из рабынь, приняв её за болотного ягуара. А потом стал нападать на всех подряд. Так что дядя Шарль вынужден был запереть его во флигеле и поить всё время сонным отваром, иначе Венсан начинал метаться по комнате и царапать стены.

– Дядя... он... болен и, боюсь, уже не поправится, – уклончиво ответил Эдгар.

– А как поживает мадам Дюран? – прищурился мсье Фрессон. – Надеюсь, она в добром здравии?

– Да, спасибо. С ней всё хорошо.

Эдгар взял чашку кофе. Стоило бы сказать мсье Фрессону, что интересоваться здоровьем его матери после того, как он сам поставил подпись на грабительском договоре займа, как минимум лицемерно. Хотя, может, так мсье Фрессон просто переживает о своих процентах?

– Но теперь, как я понимаю... вы управляете плантацией? – поинтересовался Клод Фрессон.

– Выходит, что так, – ответил Эдгар, чувствуя какой-то скрытый интерес в словах банкира.

– И... что вы планируете делать дальше?

– Планирую развести индеек – мясо у них необыкновенно вкусное, – произнёс Эдгар, делая вид, что не понял истинной сути вопроса.

Они поговорили ещё некоторое время о делах, о предстоящей жаре, о ценах на сахар и ром и настроениях в столичных биржевых кругах. Но на повторный вопрос о его дальнейших планах или планах мадам Дюран относительно судьбы поместья Эдгар также ответил уклончиво.

– Ну, что же, я буду рад видеть вас на балу, – прощаясь, улыбнулся мсье Фрессон. – Вас и вашу невесту. Скажите, куда прислать приглашения?

Эдгар назвал адрес Рене Обьера, у которого остановился, допил кофе и откланялся. Идти на бал с Флёр ему хотелось меньше всего, но сейчас от его хороших отношений с банкиром зависело будущее плантации, так что стоило оказать ему уважение.

На мгновение он представил, как Флёр будет выставлять его напоказ, словно особо ценный трофей, и всем своим видом вещать – «посмотрите, какую птицу я поймала», а местные кумушки примутся обсуждать их будущее, и на душе у него сделалось тошно. Но один бал, пожалуй, он выдержит.

Он снова сел в коляску, глянул на солнце, что уже пряталось за верхушки пальм на рю Либерти, и подумал, что это довольно странное название для улицы в краю рабов и хозяев.

Ехали не торопясь. У него было на сегодня ещё одно дело, и он не знал, как к нему подступиться, поэтому и не погонял возницу, выигрывая время на раздумья.

Он пытался мыслить логически. И как человек рациональный, искал какое-нибудь естественное объяснение тому, что с ним произошло совсем недавно.

Но ни одной естественной причиной он не мог объяснить то, что ...

...она снова приходила к нему. Дампи. Злой дух болот.

В ночь перед его поездкой в Альбервилль. Теперь он точно знал, что это она. И что это не сон. И не воспоминания тех страшных историй, рассказанных дедом Гаспаром, мерещатся ему. Нет. Всё реально. Он только не мог понять, что же она такое на самом деле, потому что в злых духов болот он по-прежнему не верил.

А значит, либо он сходит с ума, как дядя Венсан или его отец, либо ему нужно выяснить, что это или кто приходит в их дом с этих самых болот.

В ту ночь ему приснился старый кошмар – снег, окрашенный багровыми всполохами пламени, горящая лесопилка и склад, крики рабочих, треск падающих балок, удушливый дым, клубящийся огромной змеей под сводами торговой конторы, и искры... На каланче тревожно звонит колокол, и в пожарной бочке слишком мало воды, чтобы победить ненасытного огненного змея, хоть пожарные и подпрыгивают, как ошалелые, качая её изо всех сил...

Но в этот раз к привычному кошмару из прошлого примешивалось что-то совсем иное. В этот раз Эдгар отчётливо слышал барабаны. Гулкие удары доносились откуда-то издалека, но постепенно ритм нарастал, заглушая треск пламени, а огонь растворялся, хотя прохладнее не становилось. Пожар угас, перетекая в духоту южной ночи, искры превратились в пятна светляков, роившихся среди нитей ведьминых волос, и чёрная полоса дыма, густея, обрела странные очертания. Дышать становилось всё труднее, словно что-то сдавило ему грудь, и Эдгар внезапно проснулся, совершенно чётко понимая, что в спальне он не один. Кто-то смотрел на

него из угла... Кто-то более чёрный, чем сама ночь, которая его окружала, чем тот дым из его кошмара.

Она – сама тьма...

Эдгар сморгнул, прогоняя остатки сна, и резко сел на кровати, отдёргивая свисающий с балки полог из кисеи. Схватил свечу, нащупывая спички, не сводя глаз с того места, где тьма была гуще всего. Ему казалось, что оттуда на него смотрят два чёрных глаза. Чёрное на чёрном? Как можно такое разглядеть? Но они блеснули во тьме – две ониксовые бусины. Он снова сморгнул и на какой-то миг почти поверил, что глаза и вправду есть: чёрный оникс стал каре-золотым. Эдгар ругнулся, роняя спички, а когда снова их нашёл и зажёл свечу, то в углу уже никого не было. Услышал лишь тихий вздох, а потом где-то на лестнице, показалось, скрипнула половица.

Он бросился на звук, прочь из комнаты. Пламя свечи заметалось, и, прикрыв его рукой, Эдгар глянул вниз – но в холле никого не было. Как и в прошлый раз, дом мирно спал. Хотя сегодня всё случилось под утро, на улице уже серело, ещё немного – и рожок разбудит нью-ров для работ на плантации. Эдгар наспех натянул штаны и сапоги и, схватив ружье, выскочил наружу. Ему показалось, или что-то белое мелькнуло в зарослях, ведущих к протоке? Он свистнул собак. Те поднялись, лениво обмахиваясь хвостами и зевая – не понимая, зачем хозяину понадобилось охотиться в столь ранний час. В час, когда сон наиболее крепок и сладок.

Эдгар обошёл всю кромку болот и прибрежные заросли осоки. Он искал следы на скользкой полосе тёмного ила и, глядя на стволы болотных кипарисов, похожих на толстые пальцы, застрявшие в зелёной жиже, на спины аллигаторов, что лежали брёвнами, разбросанными по берегу, никак не мог успокоиться.

Собаки ничего не почуяли, и никаких следов он не нашёл, кроме тех, что оставили выдры на маленьком пятачке у пирса для лодок. Болото – мутное зеркало в патине изумрудной ряски и лиловых звёздах водных гиацинтов – стояло недвижимо и секретов своих выдавать не собиралось. Но Эдгар бродил всё утро, долго и упорно вглядываясь в торчавшие на той стороне протоки замшелые кочки, и ему казалось, что он видит что-то: то ли тень, то ли спину зверя...

Остановился он лишь когда понял, что промок уже почти до пояса, и, тихо ругнувшись, направился домой. Не могло же это всё ему привидеться? Он ведь не дядя Венсан – не пьёт ром беспробудно, не курит с утра до вечера сигар, не нюхает «чёрную пыль». И он не верит в болотных духов, в призраки и прочую потустороннюю чушь...

Навстречу ему попались ньоры, идущие с мотыгами на работу в поле. И хотя они поздоровались с ним, как обычно, хором «Доброго утра, массэ Дюран!», но по их взглядам он понял, что перемазанный болотной тиной, вооружённый и голый по пояс, в мокрых штанах и с блуждающим взглядом он выглядел точь-в-точь, как его дядя Венсан, который, обезумев, гонялся по болотам с ружьём за кем-то, кого видел только он один. Неужели он тоже начал сходить с ума? Не может же быть правдой эта дурацкая сказка о том, что их семья проклята?

Эдгар бросил ружьё, переоделся, даже не тронув завтрак, прихватил бутылку рома, сигару, два стакана и свёрнутый в трубочку табачный лист, внутри которого лежали споры папоротника – «чёрная пыль», и направился во флигель.

Дядя Венсан сидел за столом, уронив голову на скрещенные руки. Его отросшие седые волосы спутались, борода скаталась в сосульки, а ногти были сточены в кровь – во время припадков он царапал ими стены. А затуманенный взгляд, казалось, смотрел на какой-то далёкий горизонт. Эдгар подвинул плетёный стул и сел наискосок. Дядя хоть и повернул голову, но уставился на племянника невидящим взглядом, а потом пробормотал:

– Ты кто?

Эдгар наполнил стаканы и поставил один перед Венсаном, а затем раскурил сигару и тоже протянул дяде. При виде выпивки глаза у того блеснули, он вцепился в стакан дрожащими

пальцами и жадно отхлебнул, а затем, выхватив сигару из рук племянника, судорожно затаился.

– Ты видел её? – спросил Эдгар негромко. – Ту-что-приходит-по-ночам? Кто она такая?

Некоторое время Венсан сидел молча, лишь выпуская клубы дыма и раскачиваясь на стуле. То ли от рома, то ли от сигарного дыма, но его взгляд стал понемногу проясняться. Эдгар достал табачный лист с «чёрной пылью» и, развернув, положил перед собой на стол. Глаза дяди тут же цепко ухватились за него.

– Я дам тебе это, если ты расскажешь, кто она. Ты ведь это знаешь?

– Она и к тебе приходила? – внезапно спросил Венсан, криво усмехнувшись, и его лицо всё перекошилось, словно от судороги. – Значит, и ты скоро окажешься здесь. На моём месте.

– Кто она? – снова спросил Эдгар. – Зверь? Или человек? Её можно убить?

– Она – сама тьма, – хрипло произнёс дядя, – а разве можно убить тьму? Она будет приходить снова и снова, пока не высосет всю твою душу...

– Так кто она на самом деле? Это зверь? Или человек? – снова переспросил Эдгар, чуть пододвинув табачный лист.

Глаза дяди не отпускали маленькую горку чёрной пыли, следя за медленным движением пальцев племянника.

– Она – даппи, злой дух, – наконец, произнёс Венсан, облизнув пересохшие губы, – и однажды я почти держал её в руках!

– Что ей нужно? Зачем она приходит? – лист проехал по столу ещё чуть-чуть.

– Ей нужны наши души...

– Зачем?

– Потому что мы прокляты! – закричал Венсан и молниеносным броском попытался выхватить табачный лист, но Эдгар накрыл его глиняной миской.

– Не раньше, чем ты всё мне расскажешь, – покачал он головой.

Но ничего больше ему узнать не удалось. Дядя по кругу твердил одно и то же, что Эдгар и так уже знал. Та-что-приходит-по-ночам – это злой дух. Даппи. Она приходит с болот, чтобы забрать их души, потому что семейство Дюран проклято.

– Она хочет забрать то, что принадлежит ей! – хрипел Венсан, когда Эдгар пытался отцепить его руки от глиняной миски. – Она хочет забрать наши души, потому что мы принадлежим ей! Мы прокляты! Прокляты! Дай мне! Дай мне забыться! Дай мне не видеть её глаза!

Эдгар разжал пальцы. Едва ли он услышит что-то внятное от Венсана. Он запер дверь во флигель, оставив дядю наедине с ромом и «чёрной пылью» – пожалуй, это единственное, что по-настоящему облегчает его страдания.

Он пересёк двор и направился в кухню, где застал Лунэт, пекущую ямсовые лепёшки.

– Расскажи мне про даппи, – Эдгар сел за стол и внимательно посмотрел на старую ньору. – Ты ведь знаешь кто это?

Лунэт покосилась на дверь, и Эдгар понял, что она боится. Впрочем, и неудивительно – мадам Эветт враз всыплет плетей, если кто будет говорить о таком вслух. Њорам не полагалось молиться своим богам, потому что их боги – зло. И болтать о всяких суевериях тоже. Мадам Эветт не верила в призраки и всякое зло видела только в непослушании, а это лечилось просто – поркой, постом и молитвами.

– Мадам Эветт уехала на пристань, – ответил Эдгар, – рассказывай.

– Негоже это, болтать всякие глупости, за такое только плеть и полагается, – осторожно ответила Лунэт.

– Я тебя хоть раз ударил? – спросил Эдгар, отодвигая чашку с мукой и кладя руки на стол. – Обещаю: что бы ты мне ни сказала, я не стану тебя наказывать. И никто не станет. Говори.

– В каждом человеке, массэ, есть две души: белая и чёрная, – произнесла Лунэт, раскатывая тесто большими ладонями, – белая принадлежит великому Эве – Духу Неба, и уходит к нему на суд сразу после смерти. А чёрная душа, покуда она здесь, принадлежит Духу Земли – Великому Нбоа, и не может уйти к Эве, пока не закончит на земле все свои дела. И ежели человек не сделал чего важного, не сдержал клятвы, к примеру, или был внезапно убит, или сам стал убийцей, его чёрная душа может ещё долго возвращаться к тем, кому он задолжал, или к убийцам... или к родным убитых. Он будет пытаться всё исправить. Может причинять им зло, мстить, может мучить, а может и просить прощения – по-всякому бывает. И так будет до тех пор, пока не свершится задуманное, пока он не достигнет цели: кто-то не умрёт или кто-то не простит, и только тогда Великий Нбоа его отпустит, а Великий Эве возьмёт его вторую душу к себе и соединит их, потому что всё в мире должно быть в равновесии.

Религия ньоров, которую вместе с клеймом выжигали из рабов их хозяева, Эдгару всегда казалась наивной. Даппи, люди с головами крокодилов и духи, которым нужно делать подношения мукой, кровью и ромом – всё это было очень похоже на страшные сказки, которыми пугают детей. И, как человек рациональный и взрослый, он в них конечно же не верил, но что-то было в словах старой Лунэт, разминающей тесто, что-то такое, заставившее его спросить:

– А как узнать, чего хочет даппи?

Ньора оперлась на руки, полностью утопив их в муке, и покачала головой:

– Для этого вам надо найти того, кто может говорить с духами: унгана или ман-бо, нашего жреца или жрицу. Они могут общаться с нашими лоа¹⁵... они могут узнать, чего хочет этот даппи.

– И где его найти? Этого унгана или ман-бо? – негромко спросил Эдгар, сам не веря, что такое спрашивает.

Лунэт снова оглянулась на дверь и произнесла совсем тихо:

– В Альбервилле есть одна ман-бо, самая сильная из всех, о ком я слышала. Её зовут «королева Мария». Я говорила массэ Венсану, чтобы он съездил к ней, да он меня только высек.

И теперь вот Эдгар стоял прямо перед лавкой той самой Марии, глядя на тёмную вывеску и дверь с выгоревшим от времени синим глазом. Дыхание океана медленно качало длинные языки папоротника, свисающего с крыши, и закатное солнце плясало бликами на бутылках разноцветного стекла, будто подмигивая. Он взялся за ручку, но всё ещё колебался, правильно ли поступает. А, впрочем, это был день неправильных поступков: одним больше, одним меньше – какая разница? Он толкнул дверь и вошёл внутрь.

Общаться с колдуньями и жрицами ему ещё не приходилось. И сама мысль о том, чтобы идти сюда, Эдгару претила, ведь он был человеком рациональным, но то, что произошло с ним недавно, никакой логике не поддавалось. Так что пусть даже колдунья и окажется шарлатанкой, ему нужно попробовать все варианты. Не выгорит здесь – он будет искать дальше. Перспектива сойти с ума и занять место Венсана во флигеле в обнимку с бутылкой рома его никак не прельщала.

Но, как ни странно, Мария ему понравилась. Он вообще не так представлял себе жрицу ман-бо. Думал, что она будет скрюченной и чёрной, с немытыми космами волос, старой и непременно горбатой. Во всяком случае, на севере, где он жил и учился, ведьм изображали именно так. Ещё им полагалась метла, чёрная кошка, летучая мышь или сова, связка куриных лап над очагом и ведро из-под золы. Но эта жрица оказалась даже красива, хоть и немолода, и

¹⁵ Лоа – в религии вуду невидимые духи, осуществляющие посредничество между Богом и человеком, но при этом являющиеся не божествами, а в большей степени аналогом христианских святых.

держалась величественно – в точности королева, как и сказала Лунэт. А может, это массивный оранжевый тийон, что был у неё на голове, придавал ей такое сходство с царственной особой.

Эдгар не стал ходить вокруг да около и коротко изложил, что видит по ночам кошмар, и ему нужно знать, кто приходит к нему и чего от него хочет. Мария слушала молча и смотрела очень внимательно. И лишь когда он взял с прилавка свою шляпу, собираясь очевидно уйти, спросила:

– Как тебя зовут?

– Эдгар.

Она переплела пальцы и произнесла негромко, глядя как-то странно, будто сквозь него:

– Тебе кажется, что внутри ты умер. Но это не так. На самом деле ты хочешь жить, но просто боишься...

– Обойдемся без балаганных советов. Я не за этим пришёл. Если я захочу исповедаться, мадам Лафайетт, я найду, где это сделать, – усмехнулся криво Эдгар.

Он не любил, когда ему пытались лезть в душу, и знал, что так обычно делают гадалки-шарлатанки, пытаясь откровенным разговором выведать из доверчивых клиентов какие-нибудь личные подробности.

Мария прищурилась, глядя ему прямо в глаза, и, поведя ладонью по прилавку, ответила, будто отрезала:

– Завтра я буду общаться с дүхами. Приходи на закате на кладбище Святого Луи. Принеси с собой чёрного петуха, бутылку рома, один ливр кукурузной муки, пять сигар и медных монет. И ты получишь ответы.

– Всё так просто? – саркастично спросил Эдгар.

– Твои ответы будут стоить пятнадцать экю, – невозмутимо парировала Мария, прожигая его взглядом...

Эдгар покрутил в руках шляпу. Всё это как-то сильно пахло шарлатанством. Он на мгновение представил себя, идущим по кладбищу с петухом в руках, мукой и бутылкой рома, и решил, что, пожалуй, толку с этого будет чуть, как с того деревянного глаза, что дала ему Лунэт. И уже собрался распрощаться, как Мария добавила:

– ...Я вижу, ты не веришь, но мне не нужна твоя вера. Духи скажут всё и без неё. Ты хотел ответов – ты их получишь. Даже на те вопросы, которые боишься задать, – она снова переплела пальцы и, прищурившись, произнесла спокойно: – Виновен ли ты в их смерти. Твоей жены и дочери.

Глава 7. Кто больше за чёрного петуха?

С утра Летиция думала, что кузина будет на неё дуться из-за того, что произошло на суаре, но оказалось, что совсем наоборот – Аннет за завтраком была мила и приветлива, и щебетала как птичка, рассказывая о планах на день.

Сегодня им нужно посетить рынок – ведь кузина не видела и сотой доли тех необычных фруктов и овощей, какие растут в Новом Свете. Надо купить крашеный сахар для карнавального торта и бусы. А ещё – духи и маски к карнавалу, забрать платья, посетить мадам Шарбонн, поскольку той нездоровилось и традиции требовали её провести. А на закате они поедут в Собор Святого Луи на вечернюю молитву – сегодня как раз день этого святого, и, опять-таки по традиции, положено вознести ему почести, и отвезти корзины для бедных. Святой Луи открывает праздничную неделю: суаре, чаепития, бесконечные походы в гости, и в заключение череды развлечений – заключительный бал сезона и карнавал. Бал для высшего общества. Ну а карнавал – для всех остальных. Затем следует двадцатидневный пост, и город постепенно опустеет до самой осени.

Аннет взахлёб рассказывала о планах на эту неделю, и у Летиции даже от сердца отлегло – зря она думала про кузину, что та начнёт её ненавидеть. Вон как она рада возможности провести время вместе. А вот ей не следовало быть вчера такой безропотной курицей и не стоило молчать, хоть бабушка и велела. Надо было поставить на место этого Фрессона и объяснить, что она совсем не ищет его внимания, и что раз он уже ухаживал за другой девушкой – верх неприличия бросать её вот так прилюдно. Жаль, она не сделала этого вчера, на суаре, но как любила повторять бабушка: вовремя и смех – не грех, а без времени и молитва ни к чему. Чего теперь рвать на себе волосы?

Вчера она просто растерялась – всё-таки незнакомое общество, к тому же все набросились на неё с вопросами, и это излишнее внимание выбило почву из-под ног. Но в следующий раз она точно отправит этого Фрессона куда подальше. Мужчине, который так поступает, не может быть никакого доверия.

– А куда делась Люсиль? – спросила Летиция, намазывая круассан апельсиновым джемом.

Сегодня утром к ней пришла другая служанка – Ноэль. Высокая, худая и молчаливая, она всё делала быстро, вопросов не задавала и в глаза старалась не смотреть. Цвет её кожи, словно жжёный кирпич, рыжина в мелких кудрях, выбивавшихся из-под клетчатого тийона, и глаза, серые с зеленью – говорили о том, что в её крови много всего намешано. Она поставила на тумбочку поднос с завтраком и графин с лимонадом, собираясь водрузить на кровать специальный столик. Но Летиция велела всё унести.

Здесь, в Альбервилле, была странная традиция – зачастую завтракать прямо в постели, едва проснувшись. За такое в Старом Свете бабушка бы, конечно, отхлестала её полотенцем: мыслимое ли дело, а ну как разольёт она молоко на простыни или джемом вымажет подушки? Ну а уж крошки в постели – дело вообще небывалое. Постель должна быть идеальна, точно Божий дух в ней ночевал, а не она, вертихвостка. Свежа и взбита, крахмальные наволочки только что не скрипят, а на простынях нельзя пропустить ни одной складочки и покрывало следует натянуть туго, как барабан. А уж подушкам, как парусам у галеона, положено возвышаться белоснежной горой, которую, как государственный флаг, венчает поверху накидка из тончайшего кружева.

Где уж тут есть яичницу с беконом!

Летиции следовало уметь заправлять постель самой, а когда она выйдет замуж за богатого и знатного – если выйдет, конечно, – то этому полагалось обучить служанок. И прове-

рять, чтобы они не ленились, ведь постель – визитная карточка хозяйки. И уж коли в постели крошки, то хозяйка – лентяйка и неряха.

«Визитной карточкой хозяйки» у бабушки было всё: прическа, платье, кухня, постель, дно сковороды и угольного ведра, полки в чулане, кружева на воротничке, подметки на туфлях – да что угодно из того, на чём останавливался её придирчивый взгляд.

– Люсиль папá наказал, – ответила Аннет, помешивая кофе в чашке. – Она была к тебе приставлена, так что должна была следить, чтобы никто в твою комнату не заходил. Но это ничего, ей только на пользу, пусть поработает на конюшне, а не при доме. Всё равно она лентяйка.

– Но не слишком ли это жестоко? – заступилась за служанку Летиция. – Мало того, что вчера её выпороли за то, чего она не делала, так ещё отослали на конюшню! Её же вины в этом нет, мало ли кто мог сделать такую глупость, да и ничего ведь страшного не случилось. Подумаешь, рисунок на полу. А мне Люсиль понравилась...

– Милая кузина, – Аннет отложила салфетку, и её идеально выщипанные брови сошлись в ниточку, – вот будут у тебя свои рабы – вот и будешь решать в чём есть их вина, а в чём нет. И уж можешь мне поверить, что их вина всегда в чём-нибудь да найдётся!

Сказала, как отрезала. А Летиция едва не поперхнулась – столько злости промелькнуло в этих словах. Но затем на лице кузины снова появилась безмятежная ангельская улыбка, будто и не было ничего. Зря она решила, что на Аннет снизошло умиротворение. Всё тут показное, как и эта гостеприимная вежливость.

Свои рабы?

Вот уж о чём Летиция не думала, так это о том, что у неё будут свои рабы. А стоило бы подумать, ведь если она унаследует ферму деда...

Сколько там душ числится в завещании Анри Бернара? И что ей с ними делать?

– Я считаю, что это несправедливо, – ответила Летиция. Её так возмутили слова кузины, что она едва удержалась, чтобы не сказать ей какую-нибудь гадость, – и, наверное, у меня не будет своих рабов. Во всяком случае, я уж точно не буду пороть их для острастки, не разобравшись, кто виноват на самом деле.

Да она вообще не собирается никого пороть! Дикость какая!

– Не будет своих рабов? А кто, скажи на милость, будет рубить тростник на плантации? Кто будет работать? Что за глупость! – фыркнула Аннет.

– Можно нанимать рабочих, как делают в Старом Свете. Вот даже мсье Жильбер со мной согласен, – ответила Летиция, вспомнив вчерашний разговор и не успев вовремя прикусить язык.

Вот зря она вспомнила о мсье Жильбере. Ох, зря!

У Аннет при этих словах сделалось такое лицо, будто она кипятка хлебнула. Их взгляды с кузиной пересеклись, и, судя по тому, как затрепетали её ноздри, сказать Аннет хотела что-то очень едкое, но, к счастью, вошёл Филипп и предотвратил начавшуюся перепалку.

В это утро он тоже оказался как-то особенно любезен – присел за стол напротив, но есть не стал, лишь выпил чашку кофе и принялся расспрашивать Летицию о всякой ерунде, в основном – о Старом Свете и скачках. Одет он был франт франтом: в серую тройку, а носки его сапог блестели так, что в них можно было смотреться, как в зеркало, крахмальная рубашка идеальной белизны, поверх – пёстрый атласный жилет, по которому змеилась золотая цепочка часов, и на уложенных тщательно волосах было столько воска, что они, казалось, прилипли к черепу намертво. И бабушке бы он точно не понравился.

Интересно, сколько времени он провёл перед зеркалом? Похоже, даже больше, чем Аннет!

Его вид показался Летиции смешным, и она, едва сдержав улыбку, принялась рассматривать кофейные узоры на стенках чашки.

– Сахар? – кузен подвинул изящную сахарницу с ангелочками на ручках.

– Нет, спасибо, я пью горький, – ответила Летиция.

– Как странно слышать подобное от будущей хозяйки сахарной плантации, – улынулся ей Филипп, внимательно глядя в глаза.

Она лишь пожала плечами. Да ничего странного. Бабушка считала, что от сахара портятся зубы, и запирала его в большой кованный сундук. Выдавала только гостям, ну и ещё к празднику – исключительно в тесто для пирогов. Вот и привыкла Летиция пить горьким и кофе, и чай. Зато зубы и правда были у неё прекрасные, так что, похоже, мадам Мормонтель в этом вопросе была права.

– Я не люблю всё приторное, – ответила Летиция с улыбкой, подумав, что её слова кузен может отнести и на свой счёт, хотя, скорее всего, он не поймёт, что она подразумевала.

И если мсье Фрессон был «слащав», то её кузена точно можно было записать в «приторные», а его внимание назвать «липким».

Филипп подсел чуть ближе и принялся ухаживать за Летицией так, что Жюстина – ньора-подросток, которая забирала грязную посуду – едва рот не открыла, наблюдая за ними. И даже Аннет как-то нервно отреагировала на внимание своего брата к кузине. Филипп предложил покататься в коляске по городу, но Аннет тут же возразила, сказав, что на сегодня у них с Летицией свои планы, и они с братом из-за этого даже немного повздорили. Но в итоге он всё-таки увязался за ними на рынок.

Как сказала бы бабушка: «Прилип, как репей в собачий хвост».

Но, с другой стороны, это было даже хорошо, потому что Летиция не представляла, о чём ей говорить с кузиной после утренней стычки, а лицемерить не хотелось. Зато Филипп очень кстати разбавил тягостное молчание перепалкой с сестрой и своей болтовнёй о скачках и местных развлечениях. Летиция вежливо ему кивала и старалась поддержать этот разговор ни о чём, а сама думала, что, кажется, пребывание в доме Бернаров становится всё более тягостным с каждой минутой.

Когда она плыла в Альбервилль, то пребывала в эйфории, надеясь встретить новую семью. Встретила. И от эйфории не осталось и следа.

Ничего! Скоро она уедет отсюда...

Рынок оказался большим. Ряды, накрытые навесом из сухого тростника, были заполнены торговцами и заставлены мешками и бочками. В нос сразу же ударила смесь разных запахов, в основном специй и фруктов. И у Летиции глаза разбежались от пёстрого разнообразия.

Повсюду стояли корзины ямса и маниока, висели пучки бамии, вяленый сладкий перец – красный и жёлтый – громоздился пирамидами на лотках, а рядом – кукуруза, фасоль и табак. Кузины старательно обошли стороной рыбные ряды, откуда исходил тяжёлый зловонный дух, и остановились у прилавка со сладостями. Аннет купила стручки ванили и крашеный сахар: зелёный, желтый и фиолетовый. Им посыпали традиционный торт, который в каждом доме испекут к карнавалу.

Филипп заскучал и куда-то отошёл, а Летиция рада была избавиться от его навязчивого внимания и постоянного предложения руки. Кузен то и дело норовил накрыть её своей ладонью и, склонившись к уху, что-нибудь шептать, в основном глупости, конечно, но ощущение было неприятное. Казалось, он пытается с ней заигрывать, и это выглядело как-то странно и глупо.

– Нам ещё нужно купить петуха, – произнесла Аннет, словно что-то вспомнив.

На вопрос Летиции о том, чем её не устраивает битая птица, Аннет ответила, что петух должен быть живым, да ещё и непременно чёрным.

– Живым? – удивилась Летиция. – Но... зачем?

– Ну... Тут такая традиция – варить суп из чёрного петуха к празднику, и резать его нужно накануне, – пожала плечами Аннет.

От обилия местных традиций у Летиции уже голова шла кругом, но раз нужен петух, пусть будет петух, тем более, что с ними поехала ещё и Жюстина, роль которой заключалась в том, чтобы таскать за хозяйкой корзинку, так что петуха наверняка перепоручат ей же.

В ряду, где продавалась птица, стоял гомон: гуси, утки, индюки, куры в плетёных из прутьев клетках – они кричали на все лады, а перекрикивали их лишь хозяева, нахваливая свой товар. Кузины снова встретили Филиппа: он стоял в кругу мужчин рядом с клеткой, в которой выставлялись на продажу петухи для боёв. Там вовсю обсуждалась цена на маслянисто-красного бойца, который даже будучи один в клетке, смотрел недобро и загребал лапой так, словно собирался задать жару всем присутствующим.

– Нам непременно нужен чёрный? – спросила Летиция кузину, когда они дважды прошли все ряды, но птицы, как назло, оказывались всех цветов радуги, только не чёрные. – Мне что-то... нехорошо.

У неё начала кружиться голова, и, кажется, впервые за всё время, что Летиция находилась в Альбервилле, ей сделалось дурно. Может – от жары, может – от шума и запахов рынка. Во рту почему-то всё ещё ощущался привкус того лимонада, что принесла им Ноэль перед поездкой. Летиция не хотела его пить, но Аннет настояла: день будет жаркий и так положено. Пришлось выпить, чтобы не слушать лекцию о местных обычаях и традициях. Лимонад оказался приторно-сладким.

Всё тут приторное...

– Да. Непременно чёрный. Это... к удаче в доме, – ответила кузина. – Ты просто постой здесь, я сама поищу.

И Аннет ускользнула куда-то, забрав Жюстину. Летиция осталась дожидаться возле клетки с перепелами. Отошла в сторону, в проход между лотками, чтобы туда-сюда снующие покупатели не цепляли её своими корзинами, и прислонилась плечом к столбику, поддерживающему крышу.

Не хватало ещё упасть здесь без сознания! Дался Аннет этот петух!

Жаль, она не прихватила с собой веер. Дурнота то подкатывала волнами, как прибой, то отступала, и Летиции казалось, что сквозь монотонный рыночный гомон до неё доносится ритмичный стук барабанов. Она потянула завязки шляпки, закрыла глаза и принялась глубоко дышать.

– Всего двадцать луи, мсье, – услышала она откуда-то сбоку негромкий голос торговки и недовольный клёкот, – посмотрите, какой красавец, просто огонь!

Летиция обернулась посмотреть на красавца и увидела одинокую пожилую ньору, стоящую боком между лотков. В её руках был петух. «Красавец» оказался тощ и изрядно обтрёпан. Голенастый и длинноногий, с сиротливым пером, торчавшим из хвоста, он висел вниз головой в цепких старушечьих руках и всё пытался извернуться и клюнуть женщину в запястье. И, может, она даже украла его где-то – настолько он неприглядно выглядел, – но это было неважно. Всё компенсировалось главным его достоинством – петух был чёрен, как трубочист.

– О! – воскликнула Летиция, спешно доставая из ридикюля монеты. – Я его возьму!

Какое счастье! Можно будет, наконец, уйти отсюда.

– Простите, муасель, но его уже берёт этот мсье, – ответила торговка, качнув петухом в сторону какого-то господина.

– Я... я... я дам вам двадцать пять луи! – Летиция вытащила ещё одну монету.

Мир перед глазами подёрнулся серым, потерял резкость, и убавиться от запахов птичьего помёта, гниющих овощей и свиного визга, доносившегося из соседнего ряда, ей хотелось уже просто невыносимо.

Монеты легли на край дощатого прилавка, и торговка, мигом оценив предложение, протянула петуха Летиции. Всё-таки пять лишних луи на дороге не валяются. Но несчастная птица

не успела сменить хозяйку – кто-то встал между ней и торговкой и руку Летиции вместе с монетами аккуратно накрыла большая мужская ладонь.

– Мадмуазель, простите, но за двадцать пять луи вы купите любого петуха на этом рынке. А этот выглядит совсем как мученик, выдержавший сорокадневный пост. Не пугайте вашу кухарку – уступите его мне, – услышала она мягкий приятный голос мсье, которому торговка уже передумала отдавать птицу.

Это был довольно фамильярный жест со стороны незнакомого мужчины, и Летиция повернулась в пол-оборота, собираясь поставить наглеца на место, да так и замерла. У неё даже холодок пробежал по спине – таких тёмных, внимательных и завораживающих глаз ей, кажется, видеть ещё не приходилось. Они с незнакомцем оказались друг напротив друга, зажатые в узком пространстве между двух прилавков и высоких корзин с птицей. И слова, которые она собиралась сказать, почему-то застыли на языке. Отступила дурнота, и всё вмиг стало ярким. Летиция стояла, забыв обо всём, вглядываясь в лицо незнакомого мужчины, серьёзное, волевое и какое-то усталое, и молчала. Чёрные брови, короткие волосы, светлая кожа...

А мужчина смотрел на Летицию так, словно увидел в ней что-то пугающее и притягивающее одновременно, и как будто знакомое...

Его взгляд не отпускал, и, сама не зная почему, Летиция не могла от него оторваться – просто увязла в темноте его глаз, как пчела в блюде с патокой. Даже не сразу поняла, что стоять так, молча глядя друг на друга, просто неприлично, и что мужчина всё ещё не убрал свою ладонь, накрывшую её руку.

– Мы... знакомы? – чуть прищурился он, внимательно вглядываясь в её лицо.

– Н-нет, не думаю...

Ритм барабанов слился с биением сердца.

– Муасель, ну вы будете брать птицу-то? – голос торговки вырвал их из странного оцепенения.

Она снова потрясла в воздухе петухом, и он недовольно заклекотал.

– Так вы уступите его мне? – спросил мужчина негромко. – Зачем вам сдался этот оборвыш?

– Простите, мсье, но мне нужен именно этот оборвыш, – твёрдо ответила Летиция, опомнившись и пытаясь сохранить выражение достоинства на лице.

Она выдернула руку из-под тёплой ладони мужчины и чуть отодвинулась в сторону торговки, чувствуя, как горячая волна смущения растекается по коже.

– И мне нужен именно этот оборвыш, – чуть усмехнулся незнакомец будто бы одними глазами – губы почти не дрогнули, – но, если мадмуазель не против и уступит мне это исчадь ада, я куплю ей дюжину других птиц. Что вы на это скажете?

– Мне не нужна дюжина – мне нужен именно этот. Вы же слышали торговку – он просто огонь! Такой петух – украшение любой кухни, – упрямо ответила Летиция, пытаясь спрятать ответную усмешку и отодвигаясь ещё: взгляд тёмных глаз, казалось, прожигал её насквозь.

– Как жаль! – мужчина развел руками. – И мне тоже нужен именно он, и, кстати, я первый предложил за него цену... Так что же нам делать?

– Я отдам его тому, кто даст тридцать луи, – разом нашлась торговка, а петух извернулся и всё-таки клюнул её за запястье, – вот зараза! Да сожри тебя аллигатор, нечистое отродье!

– Я дам тридцать луи! – воскликнула Летиция, доставая ещё монету – она хотела быстрее покончить с этим странным торгом.

– А я дам тридцать пять, – теперь незнакомец улыбнулся уже по-настоящему.

Улыбка преобразила его лицо, смягчила суровость и тяжесть взгляда, в одно мгновение превратив его совсем в другого человека. И стало понятно, что не столько ему нужен сам петух, сколько его забавляет этот странный торг. Хотя нет, он и в самом деле отсчитал тридцать пять луи, даже не глядя, просто перебирая монеты пальцами – смотрел он по-прежнему на Летицию.

И от этого взгляда, от его улыбки и мягкого голоса что-то странное произошло с ней – не было сил отвести взгляд и захотелось удержать это мгновение, и пусть бы они торговались за этого петуха хоть до полуночи.

– Мсье, неужели вы не уступите... женщине? – спросила она, чуть улыбнувшись в ответ и решив воспользоваться тем, за что бабушка всегда нещадно била её чётками – кокетством.

Она опустила ресницы, будто смутилась, зная, что так выглядит очаровательно, а потом вновь подняла их, немного вздёрнув подбородок, и посмотрела на незнакомца. И, сама не зная почему, улыбнулась ещё шире в ответ на его улыбку, на его взгляд, скользнувший по её губам. Обжигающий взгляд, почти прикосновение...

И сердце дрогнуло, замерло и сразу стало жарко – кровь прилила к лицу, заставив смутиться уже по-настоящему. Она снова опустила взгляд, рассматривая полотняный сюртук мужчины и его жилет с костяными пуговицами и не понимая с чего вдруг ей так неловко.

Бабушка учила её торговаться на рынке, умело сбивая цену, и в этом деле Летиция знала толк, но сейчас её будто подменили. Казалось, во взгляде этого мужчины, в его мягком голосе и в этой улыбке крылось какое-то колдовство, лишившее её воли.

– Если мадмуазель скажет, почему ей понадобился именно этот костлявый оборвыш, то... возможно, я его вам уступлю, – кокетство подействовало, потому что мужчина больше не интересовался несчастной птицей.

Он не отрываясь смотрел ей в глаза, заставляя смущаться всё сильнее и сильнее, чувствуя, как сердце бьётся уже где-то в горле.

– Так почему?

– Потому что он... чёрный, – ответила Летиция, чувствуя, как звуки вокруг становятся глуше, а серость снова возвращается.

– Вот как? – незнакомец прищурился, и улыбка сошла с его лица. – Ну, раз так... что же – он ваш.

Ей показалось, что барабаны звучат всё громче и громче, монеты скользнули в руку торговке, а петух перекочевал к Летиции. Мужчина приподнял шляпу в прощальном жесте и, кивнув в сторону несчастной птицы, произнёс:

– Надеюсь, оно того стоит.

Глава 8. Собор святого Луи

Дурнота отступила, как только Летиция вышла с рынка. При виде чёрного петуха Аннет оживилась и даже как-то разом подобрела: подходящую птицу ей самой найти так и не удалось. Но у неё очень кстати оказались нюхательные соли и мятные леденцы – «от летней дурноты», как она выразилась.

– Вот видишь, а ты ещё хотела жить на плантации! – воскликнула Аннет, словно радуясь тому, что, наконец, и её кузина-выскочка ощутила на себе прелести местного климата. – А там ещё гнус, аллигаторы, змеи! И болота прямо от крыльца начинаются. Другое дело – кто живёт в верховьях Арбонны или на холмах...

Но Летиция её не слушала. Произошедшее только что на рынке полностью заняло её мысли. Незнакомец и его странный взгляд, прикосновение его руки и слова, которые он произнёс: «Надеюсь, оно того стоит». Что он хотел этим сказать? Всё это смутило её и взбудоражило, и даже хорошо, что Аннет всё списала на жару, потому что сейчас щёки Летиции всё ещё пылали от воспоминания о том, как незнакомец смотрел на неё и прикасался.

Бабушкино строгое воспитание заставляло думать, что всё это очень дурно, но горячая креольская кровь бурлила и говорила совсем другое – это хоть и дурно, но очень волнительно и даже приятно. Чем-то неуловимым мужчина ей понравился. Как-то сразу и безоговорочно, словно взгляд его тёмных глаз проник прямо в душу. Никогда она не думала, что так бывает: один только взгляд – и вот уже хочется оглянуться, чтобы увидеть ещё один, и ещё... И не знаешь, зачем тебе это нужно, но не можешь об этом не думать.

Святая Сесиль! Какая же ты глупая, Летиция Бернар! Недостаточно тебе было «слащавого» Антуана Морье?

Как-то разом вспомнилось, как тот ухаживал за ней, как целовал руки, и в глаза смотрел вот так же. Был внимателен и предупредителен, да только всё это ровно до свадьбы. А как только её деньги перекечевали к нему в распоряжение – всё изменилось.

История с Антуаном Морье научила её самому главному – мужчинам не стоит доверять. Никаким. Никогда. Даже таким притягательным, как это незнакомец на рынке.

Она назвала его притягательным? Святая Сесиль! Так недолго и влюбиться!

Летиция тряхнула головой, стараясь отогнать навязчивые мысли и уловить, о чём толкует Аннет. Из её корзины торчала бутылка дешёвого рома, несколько сигар, перевязанных косичкой ветивера¹⁶, и Летиция как-то мимоходом подумала, что это странно – в семье Бернаров никто не курит.

Пристроив петуха в корзину позади коляски и подбросив Филиппа в контору отца, кухни покатали дальше по своим делам. Уже к вечеру они ненадолго заехали домой, чтобы переодеться к походу в собор, и Летиция выслушала новую порцию наставлений по поводу местных традиций от Аннет. О том, что платье для посещения храма должно быть непременно с открытыми плечами, потому что вечер, но поверх обязательна полупрозрачная шаль, потому что идут всё-таки на молитву, а волосы нужно уложить скромно, но при этом, чтобы видна была шея, и украсить цветами, потому что в храме будут и мужчины – и нечего выглядеть монашкой. И от всех этих обязательных и противоречивых мелочей, которыми Аннет её пичкала весь день, у Летиции уже голова шла кругом.

В Старом Свете жизнь казалась всё-таки проще – там, скорее, всё было нельзя, чем можно. А у бабушки и вовсе абсолютно всё было нельзя. А здесь к каждому «нельзя» обязательно имелась маленькая лазейка, сводившая на нет весь смысл запрета. Что и говорить – «город греха». Оглядев себя в зеркало, Летиция подумала, что в таком виде бабушка бы её

¹⁶ Ветивер – растение из семейства злаки, из корней которого получают эфирное масло.

даже к мужу в спальню не пустила, не то что в собор – неприлично так выставить плечи напоказ. Шаль, признаться, мало что скрывала, и Летиции стало даже неловко.

Но внезапно в голову пришла мысль, а что, если она снова встретит незнакомца с рынка? Что, если он придёт в храм на молитву? Ну, конечно, придёт! Как сказала Аннет, сегодня там соберётся всё альбервилльское общество. И эта мысль её взволновала, заставив сердце замереть. Летиция даже сама от себя не ожидала такого, не думала, что ей так сильно захочется увидеть этого мужчину ещё раз.

Интересно, кто он?

Говорил он с каким-то едва заметным акцентом, не так, как принято в Альбервилле. И лицо у него было светлое, почти не тронутое загаром. Она вспомнила, что он был одет в хороший полотняный костюм, был вежлив и явно воспитан...

Он точно должен быть в храме! И она аккуратно выяснит у кузины, кто он такой.

Летиция чуть приспустила шаль и завязала на груди красивым узлом. А затем невольно улыбнулась своему отражению в зеркале, понимая, что выглядит она просто прекрасно в этом новом платье и с цветами в волосах. И подумав, как хорошо, что бабушка далеко, она покружилась у зеркала и отправилась вниз. Пора ехать.

У порога Ноэль снова протянула им стаканы с лимонадом – освежиться.

– Какой сладкий, – Летиция не стала допивать, помня свою дурноту на рынке.

– Как сказал мой брат: странно слышать такие слова от будущей наследницы сахарных плантаций, – фыркнула Аннет. – Идём, вечереет.

Они покатили по рю Верте в сторону, противоположную порту, здесь дорога уходила на небольшое возвышение, где белоснежной горой над лиловым морем цветущих фиалковых деревьев возвышался Собор Святого Луи – величественное трехъярусное сооружение – точь-в-точь свадебный торт на праздничном столе. Чуть в стороне от него начиналось старое альбервилльское кладбище, и на вопрос Летиции, почему оно выглядит так странно, Аннет ответила:

– Иногда здесь бывают наводнения – город может затопить, поэтому так много домов на сваях, и даже хоронят здесь вот так – над землей, в склепах, куда не доберётся вода, – ответила Аннет с видом знатока. – И к тому же это кладбище – самое высокое место в городе, говорят, что некоторые предусмотрительные горожане даже прячут в могилах запас зерна и нужные вещи... на случай наводнения.

Какой ужас!

Летиция смотрела и удивлялась – бесконечные ряды склепов, белёсые, как старые кости. Есть богатые: со статуями и барельефами, украшенные резными колоннами и чугунным кружевом решёток, а есть совсем скромные – просто каменные коробки с крышей, выше человеческого роста. И стоят друг к другу плотно, как дома на рю Верте. А меж ними проходы, совсем как улицы, мощённые булыжником, и площади, и даже фонари на перекрестках – настоящий город мёртвых, не хватает только жестяных табличек с названиями этих улиц и площадей. И повсюду развешаны бусы из коралла – зелёные, белые, рыжие.

– А бусы зачем?

– Это всё ньоры! Задабривают своих богов подношениями.

Внутри собор оказался также огромен, как и снаружи, и полон людей. Кузины едва успели присесть на скамье почти у самого выхода, как служба началась.

Летиция жадно разглядывала толпу, надеясь увидеть того самого незнакомца, но лишь наткнулась взглядом на Жильбера Фрессона, который был здесь вместе с матерью. Он улыбнулся, окинул её восхищённым взглядом и, приложив руку к сердцу, церемонно поклонился. Летиция коротко кивнула в ответ и быстро отвела взгляд. Не хватало ещё втайне переглядываться с женихом своей кузины! Она сложила ладони вместе и попыталась сосредоточиться на молитве, даже глаза закрыла, но в голову, как назло, ни в какую не хотели идти слова из

Священной книги. А вместо этого так некстати снова вспомнилась встреча на рынке, лицо незнакомца и его ладонь на её руке...

...не поддамся искушению...

Какие у него глаза... Боже! И почему он так смотрел на неё?

...греха гордыни и сквернословия...

И улыбка... Такая тёплая, завораживающая. Она впервые видела, чтобы человека так украшала улыбка.

...скромность и послушание...

И голос... Мягкий, тягучий, с каким-то лёгким акцентом, придающим ему красивую плавность.

Прикосновение... До сих пор у неё всё замирает внутри от этого воспоминания...

Как жаль, что его здесь нет...

Она тряхнула головой и сжала переплетённые пальцы так, что костяшки побелели, пытаясь изгнать из своих мыслей этого мужчину.

Как можно думать о таком в храме!

Треск свечей, духота, монотонные молитвы, перемежающиеся пением, шёпот сидящих вокруг, повторяющих слова из Священной книги...

В какой-то момент Летиция ощутила, что её снова мутит, то ли от дыма благовоний, то ли от чада пламени, смешавшегося с густым фиалковым запахом, вползающим с улицы. А может, от греховных мыслей. Она открыла глаза – мир закружился, и она хотела снова попросить у Аннет нюхательные соли, но кузины рядом не оказалось.

Когда она успела уйти? И куда?

Позади сидела Жюстина, у самой стены на низкой лавке, где разрешалось сидеть сопровождающим слугам. Закрыв глаза и нацепив деревянные чётки на растопыренные пальцы, она самозабвенно молилась, шевеля полными губами и не обращая внимания ни на что вокруг. Летиция встала и поспешно вышла из собора – ей нужен свежий воздух, и как можно скорее...

Она потянула узел на шали и провела рукой по шее. Нестерпимо хотелось пить.

Куда подевалась Аннет? И как же душно!

Солнце закатилось за ажурные ветви фиалковых деревьев, вызолотило шпиль собора, и у подножья сумерки уже смешали лиловый с серым. Летиция присела на скамью в тени и вцепилась в неё руками – в ушах шумело... Хотя нет, это был не просто шум, это снова стучали барабаны, совсем так, как сегодня на рынке, и этот звук не рождался у неё в голове, этот звук был настоящим. Он звал настойчиво, совпадая ритмом с бьющимся в груди сердцем. И сама не зная почему, она встала и пошла на этот звук. А мир кружился перед глазами, и она не отдавала себе отчёт в том, что делает – просто идти на этот звук казалось единственно правильным.

Она шагнула под каменную арку входа на кладбище и пошла, касаясь рукой старой кирпичной стены. Звук барабанов вёл её, он становился всё чётче и ярче, он завораживал, заставляя забыть обо всём, не думать, как медленно опускается ночь, стирая очертания склепов и имена на надгробьях, и о том, что находиться здесь приличной девушке очень и очень опасно.

Длинная аллея закончилась большой площадкой, за которой возвышалась статуя Святой Сесиль – грустной девы в венке, склонившей голову, а дальше, сквозь прореху в обвалившемся заборе, открывался вид на спуск с холма к реке.

В площадках, расставленных прямо на камнях возле статуи святой, горело масло, и густой тяжёлый дым стлался понизу. Пахло лимонным сорго и чем-то сладким, похожим на болотный ирис, и от этого запаха у Летиции голова закружилась сильнее, но в то же время пришла и лёгкость...

Она не видела барабанщика – его скрывал дым, но ритм уже подчинил её волю, и, как замороженная, Летиция вступила в горящий круг.

– Ты пришла на зов, девочка...

Под ногами прямо на камнях белеет рисунок, нанесённый кукурузной мукой. Летиция смотрит на него, но не понимает, что это: то ли крест, то ли перекрёсток. Женщина в оранжевом тийоне стоит в центре, держит в одной руке бутылку, а в другой – чёрного петуха без головы, и из его шеи на бульжник капает кровь...

– Выпей...

Она протягивает ей бутылку, и, подчиняясь этому короткому приказу, Летиция делает глоток. В бутылке ром с перцем, корицей и имбирём, и горло вспыхивает так, будто она разом проглотила горсть горящих углей. Огонь катится по горлу вниз и кипящей лавой опускается в желудок, но это длится всего лишь мгновенье, а затем мир меняется...

...старые стены кладбища опадают, как дымовая завеса, исчезают склепы и статуя Святой Сесиль, и вот она уже стоит на поляне, залитой лунным светом, огонь в плошках сияет бирюзой, неподалёку шепчет море, накатывая на белый песок, и барабаны звучат уже внутри, сливаясь с ритмом её сердца.

– А теперь танцуй! Так, чтобы ему понравилось...

Голос женщины шепчет где-то над ухом. Шаль соскальзывает с плеч, и внутри у неё разгорается совсем другой жар – тело отзывается на ритм плавными движениями, и огонь в плошках начинает подрагивать им в такт.

– Танцуй...

* * *

Эдгар явился, как и было договорено, на закате. И хотя вся его рациональная натура сопротивлялась этому, что-то всё равно заставило прихватить бутылку рома, кукурузную муку и медные монеты, а ещё – петуха. Непременно чёрного. Сам удивлялся тому, что делает, но делал – обошёл весь рынок в поисках нужной птицы. И нашёл, но... нечто совсем иное.

О встрече с той девушкой он думал весь остаток дня, понимая, что, наверное, вот так люди и сходят с ума. Вот также и его дядя Венсан застрелил одну из своих рабынь, приняв её за болотного ягуара, потому что видел в ней то, что хотел видеть.

Сегодня на рынке он взглянул в глаза своему страху. Обернулся на голос и...

Это была она. Та-что-приходит-по-ночам. У неё были точно такие же глаза, какие он видел той ночью в своей спальне – карие с золотом. И едва он в них глянул, как это золото тут же вспыхнуло искрами. Или, может, просто солнце падало так, сквозь бахрому сухого тростника? Или, может, ему просто померещилось всё это? Но какое-то мгновенье он точно видел именно их – те самые глаза, и только потом разглядел и девушку.

Красивая. Настоящая креолка. Она стояла перед ним, возникшая словно из ниоткуда. Тёмные волосы, золотистая кожа, губы, глядя на которые сразу думаешь о вкусе поцелуев, изящная линия плеч, но больше всего поразили её глаза...

Он стоял, как болван, торгуясь за этого оборванца-петуха лишь для того, чтобы продолжать в них смотреть. И не мог оторваться...

Что в них было такое? Мёд и кофе? Патока и янтарь? Золотой оникс?

Ведьма. Настоящая ведьма!

Она скромно опустила ресницы и золотой огонь погас. А Эдгар даже моргнул с усилием, отгоняя наваждение. Но потом она улыбнулась ему, да так, что просто дух захватило. Тонкая прядка закрутилась колечком, падая с виска на щёку, и он едва удержался, чтобы не дотронуться, убирая её, и едва удержался, чтобы не прикоснуться к этим губам кончиками пальцев.

Почему он не спросил, как её зовут?

Он ушёл, понимая: в тот момент что-то треснуло в его холодном мире, потому что он впервые ощутил сожаление. Сожаление о чём-то, что, кажется, упустил. Не надо было уходить...

Она и вправду ведьма, раз ей понадобился именно чёрный петух. Хотя, может, и ей он нужен для того же, для чего и ему – узнать какую-нибудь правду?

Почему он не спросил её имя? Почему?

Эдгар мысленно ругал себя за это: за то, что не узнал как её зовут, и за то, что сейчас думает об этом. Думает о ней. Он без пяти минут женат, его ждёт нотариус и маклер, ему нужно купить шестерни и вал для сахарного пресса – у него куча более важных дел, чем знакомиться с красивыми креолками и думать об их глазах. Но не думать о ней он не мог. И всё корил себя за то, что не узнал имени. Знал бы имя – смог потом найти её.

Найти? А зачем?

Ответа на этот вопрос у него не было.

Он добыл всё-таки треклятого петуха, перекупив его втридорога на выходе с рынка у какой-то хитрой ньоры, содравшей с него сорок луи, и направился в контору сахарозаготовительной компании, а затем к нотариусу.

Мсье Бланшар – седой старичок в коричневом жилете, нотариус и адвокат его семьи по совместительству, встретил его приветливо, усадил в кожаное кресло и предложил кофе. Он долго рылся в шкафу, бормоча себе под нос что-то понятное только ему, а затем извлёк несколько папок в кожаных переплётках и шумно опустил их на стол, исторгнув из их внутренностей облачко застарелой пыли.

– Бумаги вашего отца, Огюста Дюрана, – ответил он, вытирая вспотевший лоб. – Я рад, что кто-то, наконец, всерьёз решил заняться хозяйством плантации «Жемчужина». Сказать по правде, вашему отцу в этом вопросе как-то удивительно не везло. А уж ваш дядя Венсан...

Мсье Бланшар сокрушённо покачал головой. Все и так знали, что Венсан кутил, содержал пассий на Высоком Валу, был завсегдатаем борделей и скачек, стрелялся на дуэлях, пока не сошёл с ума и не стал одержим Той-что-приходит-по-ночам. Он мало занимался делами и спускал много денег на кутежи, и в итоге, понятное дело, довёл хозяйство до предбанкротного состояния. Затем Огюст, приняв у него дела, совершил несколько неудачных сделок, но в гроб семейного гнезда последний гвоздь забила, конечно, мадам Эветт, думая сделать как лучше – набрав кредитов, заключив кабальный контракт, и устроив никому не нужный ремонт.

– С чего начнём? – мсье Бланшар закатал рукава.

– С главного, – коротко ответил Эдгар и указал пальцем на толстые папки, – что из всего этого мне нужно знать безотлагательно?

– Безотлагательно, пожалуй, что вот это, – тонкая бумажная папка легла на стол перед Эдгаром. – Ваш сосед, Анри Бернар, подал на вас в суд. Вернее, даже не он, а Готье Бернар, его сын, от его имени.

Эдгар открыл папку, пробежался глазами по иску, мало что понимая из юридических терминов, и, отложив листок, спросил:

– Ну, и чего же неймётся старому пирату? О чём тут речь?

– Он считает, что ему принадлежит спорный участок на границе ваших территорий. Я всё изучил – участок не особо ценный, сплошная топь и кусок полуострова, вряд ли с него будет хоть какая-то польза.

– Тогда с чего вся эта возня с иском?

– Думаю, для Бернаров это дело принципа. Это ведь не первый иск против вашей семьи, мсье Дюран.

– И каковы его шансы выиграть это дело? – спросил Эдгар.

– Шансы сомнительные, если рассматривать чисто юридически, но...

Мсье Бланшар тщательно протёр очки и, водрузив их на нос, продолжил:

– Для Готье это почти развлечение, он ведь сам адвокат, у него есть помощники, и судья Джером – его друг. А для вас это затраты, которые, увы, вам сейчас совсем не нужны. Он измывает вас этими исками и судебными издержками, вам придётся оплачивать услуги адвоката, ходить на заседания...

Эдгар посмотрел внимательно на мсье Бланшара и спросил, чуть прищурившись:

– И что вы посоветуете сделать в этой ситуации?

– То, что советовал ещё вашему отцу – помириться с Бернарами. Что бы там ни было между Анри и Гаспаром, вас это уже не касается, ведь ваш дед давно мёртв, и это дело прошлое. И, я думаю, Готье Бернар – разумный человек, поговорите с ним. Предложите сделку...

Эдгар закрыл папку и отложил в сторону со словами:

– Я подумаю над этим предложением. Возможно, вы правы. Что ещё плохого в этих бумагах?

– Ну, часть земли ваш отец перед смертью заложил беспроцентно, некоему мсье Тревиллье из Реюньона, всё здесь, – мсье Бланшар потряс одной из папок и положил её перед Эдгаром, – если бы управление плантацией было в более хозяйственных руках... я уверен, эту землю без труда можно выкупить обратно.

– Зачем он её заложил? – Эдгар открыл одну из папок посередине и, глядя на застарелые жёлтые листы, с сожалением подумал, что тут всего читать не перечитать.

– Вот этого я не знаю. Ваш отец отдал мне эти бумаги на хранение прямо перед смертью, он очень торопился и сказал только, что они важны. Я уже потом в них заглянул и рассказал о них мадам Дюран, но она велела их просто хранить. Она тоже не знала, что это.

– Если он заложил часть земли, то, очевидно, он получил за это деньги?

– По смыслу да, но я ничего о них не знаю, – пожал плечами адвокат.

Эдгар пробежался глазами по закладной.

– Что ещё?

– Ещё? – мсье Бланшар улыбнулся, словно наконец-то встретил благодарного слушателя, и принялся, как кроликов из шляпы, доставать всё новые и новые документы.

Эдгар раскладывал их на столе: долговые расписки, договоры мены, купчие и векселя – дела его семейства были весьма и весьма запутаны.

– А это что? – спросил он, доставая жёлтый листок, на котором стояла только одна подпись вместо двух.

– Это? Купчая бумага... От семейства Шарбонн – они хотели купить плантацию, надо признаться, по очень хорошей цене. Дела у вашего отца уже тогда шли не очень, и я советовал ему согласиться на это предложение. Оно весьма щедрое, что даже странно при подобных обстоятельствах. Но он отказался. Выяснил, что семейство Шарбонн состоит в родстве с Бернарами, ну и... вы понимаете.

Мсье Бланшар развёл руками, словно извиняясь.

Эдгар понимал. Пропасть вражды между семействами Дюран и Бернар была такой глубины, что любой из Дюранов жабу бы съел, но не пошёл бы на сделку с Бернарами. А уж его отец и вовсе люто ненавидел старого пирата Анри, и ненавидел так сильно, что ни о какой сделке и речи быть не могло.

Ещё Эдгар вспомнил, как однажды они играли в разбойников на границе поместья, и он случайно попал в капкан, который поставил Анри Бернар. Капканы тот ставил, якобы, на аллигаторов, но все знали, что конечно же вовсе не на них. Как огромная железная пасть не сломала ему ногу – Эдгар удивлялся до сих пор. Спасла положение, наверное, только палка, выполнявшая роль сабли – воткнувшись, она смягчила удар и не дала треугольным зубам сомкнуться до конца и сломать кость, но боль была адская.

Отец тогда с трудом расцепил железные челюсти и орал на него, как ненормальный, а дядя Венсан и дед бегали вдоль границы поместий с ружьями, собираясь пристрелить старого

пирата, но Анри спустил на них собак. Эдгару тогда ещё и плетей досталось за то, что полез куда не надо. А его мать, помнится, плакала в доме наверху и, как ему показалось, вовсе не из-за него...

Старый пират Анри называл поместье Дюранов помойной ямой и вместилищем чёрной лихорадки – их плантация была ближе к болотам, и уж точно, как вложение денег, она его совсем не интересовала. Тогда с чего бы ему её покупать, да ещё и через подставное лицо? Это было странно, и Эдгар, повертев бумагу, сложил её обратно в папку.

– Это всё? – спросил он, устало потерев лоб.

– Нет, но, пожалуй, на сегодня хватит, вижу, я вас утомил, – улыбнулся мсье Бланшар.

– Пожалуй, я точно утомился, – чуть усмехнулся Эдгар. – Я заеду к вам ещё, на неделе, мне надо всё это обдумать.

Он окинул бумаги усталым взглядом, понимая, что «Жемчужину», кажется, проще сжечь, чем вытащить из долговой ямы.

– Конечно, мсье Дюран, приезжайте, когда будет удобно. Я захвачу бутылку отличного бурбона ради такого случая! – радостно произнёс мсье Бланшар, распахивая перед ним голубую филёнчатую дверь. – Был рад видеть вас! Передавайте моё почтение мадам Дюран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.